

Наталья Рассихина

*Скажи
мне «да»*

Наталья Рассихина

Скажи мне «да»

«Издательские решения»

Рассихина Н.

Скажи мне «да» / Н. Рассихина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-900960-9

Молодая девушка Аня хочет быть независимой от отца, который оставил их с мамой вдвоем и ушел к любовнице. Девушка устраивается работать домработницей к очень красивому, молодому парню — Бенедикту, который полон тайн и загадок. Медленно влюбившись в парня, Аня расстается со своим молодым человеком и посвящает себя Бенедикту полностью, даже не предполагая, какие у него коварные планы на ее счет и что скрывается, под маской улыбчивого и находчивого парня...

ISBN 978-5-44-900960-9

© Рассихина Н.
© Издательские решения

Скажи мне «да»

Наталья Рассихина

© Наталья Рассихина, 2017

ISBN 978-5-4490-0960-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пятница наступила быстрее, чем я ее ожидала. Я не любила пятницу. Именно в этот день к нам в гости приходил папа, а видеть я его не просто не хотела, а не желала вовсе. Все дело в том, что в свое время мой глубоко «уважаемый» папочка наломал столько дров, что хватило бы на всю оставшуюся жизнь. Мама его любила и готова была простить все его ошибки и косяки, но я простить и понять, как ни пыталась, так и не смогла. Мне просто было противно осознавать то, что все это время, пока я ему верила и доверяла, он попросту водил нас с мамой за нос и вел двойную игру. Ту игру, от которой у мамы чуть не случился инфаркт, когда она узнала о ней. Пройдя сквозь боль, жуткую депрессию и постоянную истерику, она потихоньку стала приходить в себя и постаралась забыть. Но я забыть не могла и помнила об этом каждую секунду.

Утром мама ушла на работу и дала мне наказ, чтобы я сходила в магазин и купила продуктов. Как обычно, нужно было накрыть на стол, причем сделать все так, как будто это не обычный день, а какой-то важный праздник. Мне надоело сидеть всякий раз за «праздничным» столом и, натянуто улыбаясь, слушать очередную смешную байку от своего лицемерного папочки. Вот и сегодня, после обеда, я по-шуструму сбегала в ближайший супермаркет, набрала полные пакеты разнообразной снеди и потопала домой. Бросив половину еды в холодильник, а другую на стол, я уселась на стул и безразлично выглянула в окно. Июньское солнышко светило приветливо и ласково. На губах нарисовалась грустная улыбка. В дверь протяжно зазвонили. Я вздрогнула. Кто бы это мог быть? Для визита отца еще слишком рано, а на часах время перевалило только за три часа. Трель звонка повторилась. Я нехотя пошла открывать и приятно удивилась, когда увидела за ней свою любимую тетюшку.

– Что ж ты, племяшка, так долго открываешь?

– Теть Ира! – я радостно бросилась к ней в объятия и повисла на шее. – Как же я рада тебя видеть!

– Впустишь? Или оставишь стоять на лестничной клетке? – Ирина Сергеевна лукаво улыбнулась, я хлопнула себя рассеянно по лбу и пошире распахнула дверь.

– Конечно, проходите. Вы надолго к нам?

– Если честно, забежала на пару часиков. Дел невпроворот, да и нужно торопиться. Но не могла же я не посетить мою любимую племяшку и не поинтересоваться, как у нее дела.

Ирина Сергеевна работала торговым представителем и постоянно была в разъездах. Плюс она недавно вышла замуж – и была под неусыпной опекой и контролем у своего ревнивого

супруга, который ревностно оберегал ее от всяких незапланированных походов по гостям. К нам она также приходила нечасто, поэтому сегодня я была ей очень рада.

– Да все нормально у меня, тетя Ир. Вы-то как?

– Отлично, отлично, Анют. А ты чего такая кислая? Случилось что?

Мы прошли на кухню. Я встала у газа, игнорируя вопрос.

– Чай или кофе?

– Пожалуй, чай. Только без сахара, – тетя тихо хихикнула. – От него быстрее появляются морщины.

– Да хватит вам! Вы в отличной форме. Уж вам-то грех жаловаться! – я решила ее приободрить. Но Ирина Сергеевна и не нуждалась в похвале. От природы ей достался персиковый тон кожи, который был лишен любых изъянов, поэтому его не нужно было маскировать тональником или пудрой. Тетя была высокой, с большим бюстом, черными, как вороново крыло, волосами и большими карими глазами. Она одевалась всегда элегантно и ухоженно. Внешностью я чем-то была похожа на тетю: такая же высокая, черноволосая, кареглазая, только вот характер у меня был мамин. Мягкая, стеснительная и порой уж очень покладистая. А вот от папы мне досталась твердость и железная воля, которая проявлялась во мне только тогда, когда я злилась. В такие моменты я не могла себя контролировать, и срывалась по любому пустяку. Но это случалось крайне редко. В основном после того, как папа ушел из дома...

– Спасибо, племяшка, за поддержку, но я все же воздержусь от потребления ненужных углеводов. Кстати, так что с тобой? Выглядишь ты неважно, если честно. Поделишься?

Я разлила чай по маленьким белым чашкам, которые достала с кухонного гарнитура, и, тяжело вздохнув, присела на мягкий стул.

– Можно подумать вы не знаете причину. Все дело в нем... – я запнулась. Тетушка внимательно посмотрела на меня и медленно закивала головой, будто понимая о ком идет речь.

– Ты имеешь в виду папу?

Я коротко и болезненно кивнула. Ирина Сергеевна неодобрительно покусала полноватые губы.

– Не вини ты его, Анют. Антон всегда был безрассудным и бесхарактерным. Оно неудивительно, что так все случилось. От него можно было ожидать всего угодно...

Я до боли сжала кулаки и процедила сквозь зубы:

– То, что он сделал, называется – предательством! Не винить его? Да я презираю его за то, что он бросил нас и ушел к другой!

Тетя тяжело вздохнула, опуская взор в чашку, медленно помешивая коричневатый дымящийся напиток десертной ложечкой.

– Да я не стараюсь его защищать и тем более не хочу осуждать, так как не имею на это никакого права. Но послушай меня, Аня, жизнь такая порой странная штука, что никогда не знаешь, на каком повороте тебя ожидает очередная подножка. Есть такая пословица: «знал бы, куда упаду, – подстелил бы соломку». Разве кто-то из нас мог когда-нибудь знать, что это случится? Честно признаться, я до сих пор в шоке от поступка Антона, но ты не должна держать на него зла... Просто постарайся понять...

Я соскочила с места и, подбежав к окну, скрестила руки на груди, запыхтев как самовар.

– Говорите, что не защищаете его?! А что вы тогда сейчас делаете?! Я ненавижу его! Ненавижу! И никогда не смогу понять, а тем более простить...

Ирина Сергеевна встала со стула и, подойдя ко мне, ободряюще потрепала меня по плечам.

– Успокойся, деточка. Не нужно нервничать. Это сейчас совсем ни к чему...

Я повернулась к тете и, прижавшись к ее груди, заплакала, заикающимся голосом протянув:

– Я люблю его... Очень сильно люблю, но он сделал больно маме, а этого я никогда ему не прощу. Давайте не будем о нем. Мне больно...

– Хорошо, милая. Как скажешь. Только успокойся и перестань плакать. Слезки испортят твою нежную кожу, – Ирина Сергеевна повернула меня к себе и по-матерински заботливо смахнула слезы с моих влажных щек, заглядывая прямо в глаза.

– А теперь присядь. Мне нужно поговорить с тобой.

– О чем? – я подчинилась, присев на стул, пододвинув к себе остывший чай.

– Мне мама говорила, что в этом году ты в институт поступать не хочешь...

– Именно.

– А почему? Антон же хочет полностью оплатить твоё обучение.

Я вспыхнула.

– Мне ничего не нужно от него! Ни копейки. Этот год я посвящу работе и сама буду в состоянии оплатить своё поступление. А дальше видно будет. Быть может, переведут на бюджет.

Ирина Сергеевна внимательно посмотрела на меня и прищурилась.

– Не будь такой упертой, детка. Ты же понимаешь, что помощь отца не помешает.

– В том-то и дело, что мешает. Мне не нужны его подачки. Пусть обеспечивает своих новых детей. У этой... – я запнулась. Мне не хотелось выразиться при тете нецензурными словами. – У этой его новой женщины, наверняка ведь есть дети.

– Этого я не знаю.

– Без разницы. Я не хочу брать того, что мне не принадлежит!

– Но ты же его дочь, – пыталась меня вразумить тетушка, но я была категорична и непреклонна.

– И что из этого? Чего вы сейчас добиваетесь от меня?! Или вы считаете, что от одного вашего слова сейчас все изменится, и я начну думать об отце как-то иначе?!

Ирина Сергеевна мягко улыбнулась.

– Не сердись. Ничего я не добиваюсь. Я просто хочу тебе помочь. Кстати, раз ты серьезно решила самостоятельно заработать на свое обучение, то я могу помочь тебе с работой.

Я наострила уши.

– Серьезно? Вы, правда, поможете мне с работой?

– Конечно, солнышко. Именно за этим я сюда и пришла. Но предупреждаю сразу, что сама идея тебе может не совсем прийтись по вкусу. Но деньги там реально крутятся большие.

– Говорите начистоту, – глаза мои уже загорелись алчным огнем. Я готова была уже согласиться со всем, лишь бы мой месячный оклад составлял больше ежемесячной зарплаты мамы. Тогда-то я смогла бы не только обеспечить свое существование, но и помогать денежными средствами своей семье. Тетя улыбнулась, пригладив на затылке свои густые волосы.

– Позавчера я разговаривала со своей коллегой. У нее есть знакомый, который живет в загородном имении. По слухам, вроде как один. Ему срочно требуется работающая и трудолюбивая девушка, которая сможет ухаживать за домом.

Я поперхнулась.

– Что? Вы предлагаете мне стать домработницей?!

– А что в этом плохого? Да, работенка порой пыльная и, возможно, малоприятная, но я тебя уверяю, деньги ты будешь получать по нашим меркам сумасшедшие.

– К черту деньги! Я никогда и ни при каких обстоятельствах не стану подчищать за кем бы то ни было его дерьмо!

Тетушка весело рассмеялась.

– Надо же, как мы заговорили! А стоя на рынке, и торгуя тухлой селедкой, занятие по твоей душе?

– По крайней мере, я буду знать, что я отработала день без каких-либо претензий и получила свои честно заработанные триста рублей и со спокойной душой могу идти домой!

– Ну, смотри сама. Отказываться от такого... Вроде как, Светка говорила, что работа там не на полный рабочий день. Три раза в неделю. А оклад – тридцать тысяч в месяц. Подумай над этим, деточка. И не торопись с выводами.

– Спасибо. Но мне такого счастья не нужно.

Ирина Сергеевна пожала плечами.

– Ну, смотри сама. Насильно тянуть туда никто не заставляет. Но я на всякий случай оставлю тебе визитку. Если передумаешь – позвони вот по этому номеру.

Тетя открыла свою большую коричневую сумку и, порывшись там, достала то, что искала, протянув мне через стол золотистую визитку. Я без особого интереса взяла ее в руки и прочитала вслух:

– Хостин Бенедикт Арсеньевич. Что это за имя такое – Бенедикт. Он с Луны?
Тетя неодобрительно покачала головой.

– Перестань ерничать, Анют. Не нужно придирааться к имени, не зная человека. Ты подумаешь над этим предложением?

Я наморщила лоб, прокрутив между пальцами визитку, а потом резким движением убрала ее в карман джинсов.

– Подумаю. Но я вас уверяю, что данная должность меня не устраивает. Поэтому особо рассчитывать на меня не нужно.

– Твое дело, Аня. Вот в принципе и все, что я хотела сказать, – она мимолетно взглянула на свои золотые часики, висевшие на левой руке, и спохватилась. – Ох, милочка, заболталась я что-то с тобой. Мне уже пора. Рада была пообщаться. Проводишь?

Я кивнула. Мы встали одновременно из-за стола и прошли в коридор. Открыв дверь, тетя вышла на лестничную площадку, но напоследок оглянулась и проговорила:

– Ты все равно позвони. Другого такого удачного шанса не будет. Всего хорошего.

Я натянуто и широко улыбнулась, помахав ладонью. Потом закрыла поспешно дверь, и, выдохнув, пошла в свою комнату, даже и не думая о наказе тетушки. Мне это было не нужно. Моими мыслями завладел предстоящий вечер. Я не хотела готовиться к нему, но выбора не оставалось. С беспокойной душой я поплелась на кухню и стала разделывать свежую рыбу, чтобы потом запечь ее с лимонами в духовке. Ближе к шести на пороге появилась мама. Одетая во все темное и неприметное, она прошла в коридор и кинула небрежно черную сумку на тумбочку, поведя при этом резко ноздрями.

– Анечка, ты уже готовишь?

Я вышла к ней из кухни, и, приобняв, чмокнула в щеку, поправляя выпавшую прядь осветленных волос за ухо. Мама как никогда была тревожной и слишком усталой, но именно сегодня глаза у нее блестели по-особенному ярко и руки дрожали в предвкушении чего-то приятного. Мне стало не по себе.

– Да, мамуль. Еще пять минуточек, и рыба будет готова.

– Отлично. А как обстоят дела с салатами? Приготовила какой-нибудь? Крабовый там или оливье?

Я скривилась, вытирая мокрые руки об цветастый фартук.

– Это обязательно?

Мама прошла в свою комнату и, открыв платяной шкаф, стала переодеваться, как можно громко твердо крикнув:

– Конечно!

– Хорошо. Сейчас сделаю крабовый!

Я пошла обратно на кухню, и, открыв холодильник, стала доставать нужные продукты, прокручивая в голове все ингредиенты, чтобы ничего не забыть. Хотя при этом мне хотелось пересолить этот ненавистный салат до невозможности, чтобы разлюбезный папочка отведал его и стал корчиться от брезгливости. Пусть почувствует на своей шкуре, каково это – вкушать неприятную еду и при этом оставаться самим собой! Конечно, я неудачно сравнила нашу теперешнюю жизнь с мамой, сравнивая ее с испорченным салатом, но на самом деле сходство было, и немалое. Мне просто тошно и больно вспоминать все то, что нам пришлось пережить с мамой за весь этот долгий и никчемный год, когда он собрал свои вещички и просто ушел в никуда...

– Умничка моя, – мама подошла сзади неожиданно. Я вздрогнула, отодвигая свои мысли на задний план. – Может стол накрыть в зале?

– Зачем? – я нахмурилась. – Ты ждешь ЕГО так, как будто он персидский султан! Да только это далеко не так, и ты сама это прекрасно знаешь. И эти званые ужины совсем ни к чему!

Мама вздохнула.

– Перестань, Нют. Не надо. Не порть этот вечер. Прошу тебя.

Я запыхтела как самовар, но решила не перечить. Я просто не хотела огорчать маму, ведь это для нее было важно, что предатель папочка сегодня соблаговолит посетить наше скромное убежище. Мне же видеть его не хотелось вовсе.

– Хорошо. Как скажешь! Я к себе в комнату.

Мама хотела что-то добавить, но я уже резким движением сняла с себя фартук и стремительно покинула кухню. Закрывшись в комнате, я присела за компьютер. Одев наушники, я включила на всю музыку и без интереса стала лазить по разным сайтам, в поисках работы. Ничего подходящего не было, но я решила не отчаиваться. Завтра схожу на рынок и подыщу работу там. Время неумолимо несло вперед, и я не заметила, как дверь в комнату приоткрылась, и на пороге предстал папа. Я увидела его отражение в зеркале, и внутри меня все сжалось от боли. Высокий, широкоплечий, мужественный. Как обычно одетый с иголки, он

держал в руках букет белых роз и... молчал. Я повернулась к нему, и, сняв в наушники, окинула жестоким взглядом.

– Зачем ты пришел? – невольно сорвалось грубо с губ. Папа мягко улыбнулся.

– Повидаться с тобой.

– Не стоило утруждаться.

В комнату быстро влетела мама и заулыбалась в тридцать два зуба. Глаза ее искрились, а щеки зарумянились.

– Ну чего ты здесь стоишь, Антон? Проходи на кухню. Все давным-давно готово. Аня, – она строго посмотрела на меня. – И ты давай присоединяйся к нам. Оставь ты этот компьютер, наконец, в покое.

Родители ушли на кухню, но перед этим папа осторожно прошел в мою комнату и положил букет благоухающих роз на стол. Я ненавистно схватила букет в руки, потрясла его в воздухе и откинула небрежно на кровать. Мне ничего от него не нужно было! НИЧЕГО!

Я не хотела выходить из комнаты, но все же пришлось себя заставить и пройти на кухню. Присев на один из свободных стульев, я хмуро скосилась на молчавшего отца. Тот же сверлил взглядом маму и ей, похоже, это нравилось.

– Как у тебя дела на фирме? – любезно интересовалась мама, подкладывая папочке салатика в белую тарелку. Я вновь пожалела о том, что не добавила туда больше соли. Было бы любопытно посмотреть на его реакцию.

– Все хорошо, Галь. Ты как?

Папа, до того как ушел от нас, работал в одной компьютерной фирме. И по слухам, вроде как поднялся до заместителя директора. С чего ему так подфартило – я не знала, но предполагала, что в этом замешана его новая пассия. Я ничего о ней не знала и даже ни разу не видела, но мне было жутко интересно посмотреть на ее наглую физиономию. Чего, к сожалению, пока сделать не получалось. А мама же работала на хлебокомбинате, в кондитерском отделе и ничего нового в ее работе не происходило. Работа была сложная, но мама никогда не жаловалась, и даже любила повторять, что эта самая лучшая профессия на земле, хотя и приносила домой не больше пятнадцати тысяч рублей.

– А у меня все по-старому. Ничего существенно не поменялось...

– А ты как, Анюта? – папа посмотрел заинтересованно на меня. Я фыркнула.

– Все отлично! Или ты думал, что у меня все будет так трагично?

Мама кашлянула в кулак, отец дернул уголками губ.

– Я слышал, что ты не собираешься поступать в этом году в институт. Почему?

– А с чего это тебя так заботит?

– Аня, перестань! – подала голос мама. Отец потрепал маму по руке и внимательно посмотрел на меня.

– Ты моя единственная дочь, и я не просто обязан заботиться о тебе, а намерен это делать всегда. Так что никаких пререканий, но в этом году ты поступаешь туда, куда хочешь. Все твоё обучение я беру на себя. Я скривилась.

– С какой стати ты решаешь все за меня?! Я сегодня нашла работу, и поэтому сама в состоянии оплатить своё обучение, и в чужих подачках я не нуждаюсь!

– Но мы друг другу не чужие, Аня! – голос отца стал твердым.

– Нет, папочка. Ты ошибаешься. Все изменилось с того момента, как ты бросил нас и ушел к другой!

– Аня прекрати! – на глазах мамы уже заблестели слезы. Быть может, ей было стыдно за меня и за мое поведение, а быть может, я затронула ту тему, которая всколыхнула в ее душе незажившие раны.

Лицо отца потемнело. Он до боли сжал вилку в руке, отчего побелели костяшки пальцев.

– Мы с твоей мамой взрослые и адекватные люди и давным-давно все решили для себя. Мы разошлись друзьями и поддерживаем исключительно дружескую связь. И не тебе, соплячке, указывать мне, что делать и как жить!

– Антон не надо, – по щеке мамы скатились горячие слезинки, а губы задрожали. Это разозлило меня.

– Да пусть он говорит, мам, чего ты останавливаешь его?! – я соскочила из-за стола, и мое лицо покраснело от гнева. – Пусть выскажется! Пусть скажет все то, что думает о нас! И перестань ты, наконец, защищать его! Он бросил нас! БРОСИЛ! Он кинул нас мамочка, в тот момент, когда мы особенно нуждались в нем. А что теперь? Зачем все это? – я резко взмахнула руками в сторону накрытого стола. – Зачем вся эта показуха? Чего он добивается? Разве он недостаточно сделал нам больно?! Зачем он приходит сюда и мучает тебя? Ведь каждый раз после его ухода ты заливаешь свою подушку слезами и сетуешь на грешницу судьбу, в то время как он преспокойно уходит отсюда в объятия молодой любовницы, и наверняка ни о чем не думает!

– Выйди из-за стола, – требовательно попросила мама, едва сдерживая себя, чтобы не рыдать сильнее. Отец был темнее тучи и, казалось, будто проглотил язык. Я просто не могла больше держать все в себе. Шумно выдохнув, я понеслась прочь из кухни. Забежав в комнату, я схватила со стола мобильный телефон и выскочила из квартиры, в которой мне было трудно дышать.

Как я выскочила из подъезда, я не помнила. В душе горел огонь ненависти и сильнейшей боли, в глазах уже защипало от непролитых слез. Я не хотела плакать, но сил держаться не было. Я брела в неизвестность, и мне было абсолютно все равно на то, куда я зашла и зачем. Оказавшись в старом парке, я присела на выцветшую от времени голубую лавочку и уставилась безразличным взглядом на каменные статуи, которые шли по бокам каштановой аллеи.

Июньский ветер ласково трепал распущенные волосы, пытаясь приподнять подол легкого сарафана. По парку стали прогуливаться незнакомые, не внушающие доверия люди, под светом зажигающихся фонарей выглядевшие слишком сомнительно. Да, несомненно, в этот неудачный вечер мне хотелось побыть наедине с собой и подумать обо всем, но именно сейчас мне стало не по себе, и я решительно стала набирать номер своей лучшей подруги. Та сняла трубку почти сразу.

– Привет, Марин. Ты не занята? – глухим голосом спросила я. Та, как обычно, была позитивна и весела.

– Нет, Анчик, не занята. Сидим с Вадиком комедию смотрим. Не желаешь присоединиться? Я тяжело вздохнула.

– Может, лучше вы ко мне?

– А где ты?

– В парке.

Марина сильно удивилась.

– Что ты забыла в парке? Ты одна?

– Одна... Если я мешаю, то, пожалуй, не стоит беспокоиться. Отдыхайте и не тревожься.

– Успокойся. Скоро буду. Никуда не уходи.

– Хорошо, – я кивнула в темноту.

Подруга положила трубку. Мне было немного стыдно за то, что я сорвала её с места и заставила тащиться через добрую половину города, чтобы выслушать меня и мои извечные проблемы. Но мне просто необходимо было выговориться. Именно в этот момент, когда я погрузилась глубоко в свои мысли, я почувствовала на спине чей-то пронзительный взгляд. По коже пробежали мурашки. Я оглянулась, но позади меня шли ровным строем густые деревья, никого более я не увидела. Пытаясь приглядеться в темноту, я искала силуэт человека или подобие его, но все было тщетно. Ветер усилился и стал более прохладным. Ветви над головой зашелестели с удвоенной силой. Как назло, в парке никого не наблюдалось, лишь где-то впереди слышался залиvistый девичий смех. Еще минуты три вглядываясь в темноту, и так ничего подозрительного не заметив, я нервно пропустила смех и отвернулась. В это время позади громко хрустнула сухая ветка. Я похолодела. Соскочив на тротуар, я вновь посмотрела в ту сторону, откуда доносился шум и хруст повторился. Теперь-то по-настоящему стало страшно. Кто-то стоял за деревом! Я не видела его, но четко ощущала его присутствие. Кто-то наблюдал за мной и я не знала его намерений, поэтому осторожно пялась назад, но не упуская из вида темную сторону аллеи, я решила поскорее ретироваться с этого странного места. И тут неожиданно чья-то ладонь опустилась мне на плечо. Я испуганно вскрикнула.

– Ты чего кричишь? – позади меня показалось изумлённое лицо подружки. Я обрадованно бросилась ей на шею и обняла.

– Маришка! Как ты здесь оказалась так быстро?

– Мы сидели у Кирюхи, а он вон там живёт, – она указала рукой в сторону видневшейся неподалёку пятиэтажки, которая располагалась у окраины парка. – Поэтому доскочить досюда – плёвое дело! А ты чего такая встревоженная? Что-то случилось?

Я оглянулась в ту сторону, где, по моему мнению, кто-то стоял и наблюдал за мной, но былой страх и нехорошие предчувствия исчезли. Быть может, это просто разыгралось моё больное воображение? Тем не менее, взвесив все «за» и «против» я быстро проговорила:

– Пошли отсюда. Мне что-то здесь не по себе.

– Хорошо. Как скажешь. Да и с какой стати ты, на ночь глядя, поплелась сюда? Здесь же какой только шпаны ни ошивается. Не боишься, что пристанут?

Я подхватила Марину под руки, и мы спешно зашагали вперёд.

– Об этом я думала в самую последнюю очередь. Я просто не знала, куда ещё мне идти...

– Опять проблемы дома? – понимающе спросила подруга. Я коротко кивнула.

– Да. Всё дело в отце. Я просто не хочу его видеть.

– Он так и не оставил вас в покое? Видать, его нынешняя пассия варит плохие борщи, поэтому он бегаёт отведать стряпню твоей маман, – Марина коротко хохотнула. Я приостановилась и строго посмотрела на неё.

– Зачем ты так?

Подруга смутилась.

– Извини. Вот вечно я так: ляпну что-нибудь не подумав, а потом оправдываюсь.

– Мама продолжает любить его, не смотря на то, что он сделал.

– По мне, так это глупо.

– Глупо? А ты хоть что-нибудь понимаешь в любви?

Марина пожала плечами.

– В наше время этого чувства давно нет. И было ли оно вообще? Смысл спорить?

– Я не спорю. Я указываю на очевидные вещи. Если бы маме было всё равно на отца, она давно плюнула бы на него и отпустила на все четыре стороны. Но она не может... И с таким нетерпением ждёт этой чертовой пятницы, как будто от неё зависит вся её жизнь. Но всё остаётся по-прежнему. Он приходит, причиняет боль и вновь растворяется в никуда. Лучше бы вообще не приходил, было бы намного спокойней и ей, и мне.

Маришка тяжело вздохнула и по-дружески потрепала меня по плечам.

– Ох уж эти взрослые. Никогда не знаешь, что у них на уме и какую очередную злую шутку они выкинут. Ничего с этим не поделаться, Анька, это всё судьба. Черт бы её побрал.

Я кивнула, не зная что ещё можно добавить к этому. Мы медленно пошли вперёд. Ветер вновь поутих, запахло пылью. Возможно, ночью пойдёт дождь. Он бы не помешал. Я любила дождь, но именно сейчас я его не хотела. В душе и так бушевал ураган, лишняя влага была ни к чему.

– Я вам не помешала с Вадиком? Он не был против того, что ты ушла?

Марина беззаботно махнула рукой.

– Да ему завтра рано вставать, поэтому он особо и не препятствовал. Отправился домой. Кстати, когда Серёжка из Новгорода приезжает? Соскучилась, небось?

Я улыбнулась, вспоминая своего парня. Познакомил нас год назад именно Вадик, который на тот момент интересовался Маришкой, но та была категорична к нему и всячески отталкивала. Вадим за компанию брал с собой тихого и скрытного друга, с которым вместе ходил на секцию бокса. Он сразу стал уделять мне неопределённые знаки внимания. То подарит одну единственную розу, то какой-нибудь сувенир. То большую плитку шоколада, а иной раз приходил со всякими поделками, которые делал собственными руками. Поначалу он меня забавлял и вызывал лишь доброжелательный смех, но когда Маришка стала встречаться с Вадиком, а мы с Сергеем стали подолгу оставаться одни, между нами вспыхнули чувства. Год безупречных отношений без единой ссоры, и лишь забота и внимание – этим можно было гордиться, но всякий раз мне чего-то не хватало. Я не могла объяснить, чего именно не хватало, но чувствовала, что если ЭТО вдруг придёт, то я обязательно пойму. Но ничего существенного так и не происходило.

– Конечно, соскучилась. Обещал быть в городе через три дня. Как раз за это время подыщу себе работу.

Подруга нахмурилась.

– Может, сразу будешь пытаться на бюджет? Чего год-то терять?

– Я попробую. Но работу всё же найду.

– Смотри сама. Тебе, конечно, видней. Но тебе же вроде обещал помочь с поступлением отец?

– Я не хочу брать у него ни копейки!

– Понимаю-понимаю. Но ты всё-таки подумай, стоит ли из-за своей неприступной гордости загубить год своей молодой жизни? Ведь мы так мечтали поступить вместе. Мечтали сидеть за одной партой и всюду следовать друг за дружкой. – Марина с надеждой посмотрела на меня, но я отрицательно мотнула головой.

– Год – это не вся жизнь. Ничего не изменится, вот увидишь. Работа – это стимул для меня. Да и потом, что в этом плохого? Быть зависимой от отца я не хочу. И никогда не буду!

– Какая ты упрямая! Ладно, повторюсь: тебе видней.

– Тем более я, кажется, уже нашла работу, – загадочно проговорила я, вспоминая визитку, данную тётёй. Маришка удивлённо посмотрела на меня.

– Когда успела? И кем?

– Пока пусть останется это секретом. Если меня одобряют и возьмут – я сообщу тебе первой. Идёт?

– Идёт, – подмигнула мне подруга, гадая в уме, что это я задумала. А я решила для себя, что упускать шанс, который мне дала тётя, не стоит. Тем более деньги реально были большими. Да и я никогда не была «белоручкой», не страшилась грязной работы. Стоило только позвонить и договориться обо всём. Эта идея так поглотила меня, что я поскорей направилась домой. Мы распрощались с Маришкой у поворота ко мне, сама же подруга проживала через улицу от меня, и бесстрашно пошла по направлению своего многоэтажного дома. Я же поскорей заскочила в свой подъезд и поднялась на третий этаж. В квартире было тихо.

Я прошла на тёмную кухню и включила свет. Накрытый стол был в точно таком же состоянии, как перед тем, как я его покинула. Судя по всему, ни мама, ни отец так и не притронулись к еде, все старания были впустую. Я присела на стул и вздохнула. Сегодня я разочаровала маму и теперь та, наверняка, обижается. Я не хотела никому грубить, но все слова вырвались случайно. А, быть может, и нет? Как долго можно копить и держать всё в себе? И как же невыносимо и мучительно осознавать, что я никому была не нужна...

Убрав всё в холодильник и сметя со стола крошки, я осторожно подошла к комнате мамы и аккуратно открыла дверь. Тишина и тихое посапывание говорило о том, что она давно спала. Я закрыла дверь и поскорей зашла к себе. Достав из шкафа джинсы, которые сняла перед приходом отца, я достала из их кармана блестящую визитку и покрутила её в руках. Звонить было уже поздно, я решила отложить всё до утра.

Проснувшись следующим днем, я едва дождалась подходящего времени для звонка и решительно стала набирать номер на мобильнике. В трубке послышались гудки. Я с замиранием сердца стала прислушиваться, и наконец на том конце провода прозвучал довольно-таки приятный с хрипотцой мужской голос:

– Алло?

Во рту пересохло, и мысли разом вылетели из головы. Я абсолютно не знала, как нужно разговаривать с будущим работодателем, и что надо говорить. Получилась довольно-таки приличная заминка, когда голос стал более требовательным и строгим:

– Алло? Кто говорит?

– Добрый день, – вырвалось непроизвольно у меня с губ. Я покрепче прижала сотовый к уху, боясь того, что он моментом выскользнет из моих вспотевших ладоней. – Я по поводу работы звоню.

– Какой работы?

Я недоуменно протянула:

– Домработницы...

– А-а-а, – голос стал мягче, но не продолжал терять своего таинственного шарма. – Да, я ищу девушку на данную должность. Можно узнать, откуда вы узнали, что мне требуется домработница?

Мне стало как-то неловко.

– Мне посоветовала вам позвонить моя тетя... А какое это имеет значение?

Парень на том конце провода хмыкнул.

– Как вас зовут?

Я вообще растерялась, не понимая, зачем ему нужно мое имя. Тот незамедлительно пояснил:

– Обычная формальность. Мне нужно ваше имя и фамилия, чтобы вас пропустили через пост охраны. Я проживаю в частной территории, и вы должны быть осведомлены в том, что все охраняется и фиксируется строгий учет прибывших гостей.

– Анна Павлова.

Голос на том конце трубки моментально утих, я задержала дыхание. Может, ему не понравилось мое имя? Почему он так резко замолчал? Сейчас откажет и скажет, что в моих услугах он не нуждается. Но, как ни странно, парень заговорил.

– Отлично. Записал вас в блокнот. Можете смело приезжать ко мне, вас пропустят. Адрес я сейчас же скину смской. В два часа обеда вас устроит? Сегодня.

Я пожала плечами.

– Устроит.

– Буду ждать, – деликатно проинформировал голос, и послышались два коротких гудка. Через три минуты мне на мобильник был скинут адрес. Я сохранила на всякий случай смс и потихоньку стала собираться. Добираться до указанного в смс поселка тоже нужно было время, а еще не помешало бы как следует подготовиться, чтобы произвести приятное впечатление. Мне нужна была эта работа, и я готова была вцепиться за нее всеми руками и ногами, лишь бы получить желаемое. Встав у зеркала, я стала наводить марафет.

Одев на себя короткое воздушное белое платье, я нацепила на ноги такого же цвета туфельки на невысоком каблуке и стала колдовать над своим лицом. Нанося тональник умелыми движениями на лицо, я слегка распределила его по бархатистой коже и занялась глазами.

Слегка добавив темных теней, которые подчеркивали мои светло-карие глаза, я подвела верхнее веко черным карандашом. Последним штрихом было пару раз мазануть густые ресницы тушью и, весело улыбнувшись своему отражению, я выскочила в коридор. Там, схватив с тумбочки мамины духи, легонько оставила влажный след на белоснежной коже шеи.

На первый раз я решила все-таки воспользоваться такси, чтобы успеть вовремя. Но, как назло, по пути ни одной нужной машины не оказалось, пришлось топать до центра и там наконец-то найти транспорт.

– Мне до поселка Луговое. Желательно поскорей. Я опаздываю.

– Без проблем, – водитель безразлично кивнул головой, поверх которой была одета коричневая кепка. Я плюхнулась на заднее сиденье, и машина плавно тронулась вперед. За окном с быстротой лани проносился загазованный и пыльный город. Через минут двадцать пейзаж сменился. По сторонам дороги шли ровным и, далеко уходящим за горизонт строем, поля. Солнце стояло в зените и нещадно пекло. Я вспотела, понимая, что сейчас заявлюсь к работодателю взмыленная, как заезженная лошадь. Приоткрыв окно, я с наслаждением впустила свежий ветер и вздохнула полной грудью. Сельский воздух действовал на меня благоприятно. Водитель с интересом посматривал на меня в зеркало заднего вида, а я, чьи волосы уже были похожи на взъерошенные волосы огородного пугала, прищурилась от удовольствия глаза и широко улыбалась, радуясь такой неожиданной приятной поездке.

Спустя еще минут десять мы завернули в сторону негустого подлеска. Я насторожилась.

– Зачем нам сюда?

– Через километр будет охранный пост.

Я насторожилась сильнее.

– А нам точно сюда? При въезде я не видела ни каких указателей.

Пожилой водитель усмехнулся.

– Точно-точно. Сейчас увидите.

Я встревоженно стала крутить головой, но как оказалось, мои подозрения были беспочвенны. Таксист просто срезал половину пути и вскоре мы с неровной полевой дороги выехали на ровную и заасфальтированную дорогу, которая упиралась в высокие закрытые железные ворота, перед которыми стояла небольшая будка и опущенный шлагбаум.

– Вот мы и на месте. А вы боялись, – хохотнул водитель, притормозив у поста. Я покраснела, пытаюсь оправдаться.

– Ничего я не боялась. Просто я не знакома с этой местностью...

На самом деле я была наслышана об этом поселке, и всегда мечтала здесь оказаться. Маринка говорила, что позапрошлым летом ей довелось побывать в этом «мини-городке» для богатых и преуспевающих бизнесменов, директоров, депутатов. Она с восторгом описывала все прелести данного места и живописности окружающей среды. Но я и сама понимала, что нахо-

даться здесь было пределом удовольствия и неземного блаженства. Поселок окружали леса и посадки, так же находилось пару прудов, протекала река. Больше всего меня завораживал свежий ни с чем несравнимый воздух, а разноголосое пение птиц пленяло. Я невольно высунула голову из открытого окна и заулыбалась как идиотка, пока скрипучий и жесткий голос не произнес у уха:

– Проезд запрещен! Только по пропускам!

Я моментально спрятала улыбку и посмотрела на охранника, который стоял передо мной с дубинкой, постукивая ей по своей большой ладони. Одет был он в камуфляжную форму, а глаза – темно-карие, смотрели на меня крайне недоброжелательно. Я осторожно промямлила:

– Меня ожидают. Мне по поводу работы...

– Пропуск!

– Меня должны были записать.

– Фамилия и имя, – мужчина с жестким голосом прошел в будку и открыл журнал, мельком проглядывая его, но не спуская глаз с нас.

– Анна Павлова!

Я боялась того, что Бенедикт Арсеньевич забыл предупредить охрану на пропускном пункте, что я должна была приехать именно сегодня, и точно в два, хотя стрелки уже показывали десять минут третьего. Ах, как же не хорошо получалось. Я опаздывала! Но именно в эту минуту ворота со скрипом разошлись в стороны, а шлагбаум поднялся вверх.

– Проезжайте!

Мы с водителем одновременно вздохнули с облегчением и проехали в поселок. Я вновь начала тарашиться по сторонам, восторгаясь великолепием и богатством здешних домов, многие из которых скрывались за высокими заборами или уходили далеко вперед, теряясь в березовых рощах.

– Какой номер дома? – спросил таксист, поворачивая голову в мою сторону.

– Одну минуту, – я поспешно достала телефон и открыла смску от работодателя. – Центральная 44.

Через десять минут мы нашли наконец-то нужный дом, причем он находился чуть ли не в самом конце поселка, как бы отделялся от других домов, находясь от них на приличном расстоянии, тоже прячась за высоким каменным забором. Я расплатилась с таксистом и вышла на улицу. Машина развернулась и уехала. Я оглянулась, непроизвольно охнув. Передо мной находился большой и длинный двухэтажный особняк, спрятанный местами в вечнозеленых соснах и елях. Сердце мое ёкнуло, когда я представила себе, что всю эту роскошную громадину мне придется убирать одной. Перед забором росли ровным строем молодые пихты и всевозможных видов цветы. По-видимому, за ними ухаживали. Я неуверенно подошла к темной двери и, протянув руку к белому звонку, нажала. Тишина и пение разноголосых птиц успокаивали.

вало. Я даже на миг потерялась и забыла, зачем сюда пришла. Привел меня в равновесие голос, донесшийся из динамика, который располагался пониже кнопки звонка.

– Кто там?

Я пригладила волосы на затылке и произнесла:

– Я по поводу работы. Анна Павлова.

– Понял, – голос стал мягче. – Сейчас спущусь к вам. Подождите.

Я стояла у двери и ждала, когда мне откроют двери, чтобы впустить в покои этого великолепного дома-монстра, сделанного из красного кирпича. Как наконец с той стороны щелкнул замок и дверь раскрылась. Передо мной предстал мой работодатель. Я встала в ступор. Почему-то, когда мы беседовали по телефону, мне казалось, что я разговариваю с мужчиной в возрасте, но я ошибалась. Парню было не больше тридцати лет. Высокий, статный. Я тоже не отличалась низким ростом, но этот парень был на две головы выше меня. Не красавец, далеко не красавец, но обаятельность его зашкаливала по всем параметрам и даже была через край. Я неприлично уставилась на него. Светлая кожа, будто слоновая кость, высокие острые скулы, узко посаженные светло-серые глаза, под ореолом пушистых черных ресниц. Прямой аристократический нос и узкие соблазнительные алые губы. Короткие густые темные курчавые волосы аккуратно обрамляли удлиненное лицо, а широкий лоб закрывала волнистая челка. Парень не был мускулистым и не отличался особой спортивной фигурой. Но худощавость его не портила, плюс прямая спина и ровная осанка, говорила о его благородном происхождении, что придавало его виду некоторую экзотичность и привлекательность.

– Добрый день, – парень внимательно осмотрел меня и громко усмехнулся. Мне стало неловко. Что смешного он увидел? Какой, однако, самоуверенный наглец!

– Здравствуйте. Вот, я пришла, – ляпнула я невесть что, и сразу покраснела. Как же я не любила свой длинный язык, который иногда мог выдать такое, отчего краснела не только я, но и окружающие.

– Вижу-вижу, – парень усмехнулся сильней. – Проходите, обговорим все детали вашей будущей работы и подпишем необходимые бумаги.

Я прошла вслед за парнем и недоуменно уставилась ему в спину.

– Подпишем бумаги? Так вы уже берете меня? А как же консультация? Вдруг я в чем-то не подхожу вам?

– К черту формальности! – бросил чрез плечо парень, подходя к широкой стеклянной двери и открывая ее передо мной. – Меня все устраивает, раз вы уже готовы работать здесь!

Я шла по кафельному полу, осторожно ступая, чтобы не упасть, стараясь не упустить из вида работодателя. Тот полуобернулся на меня и широко улыбнулся. Его улыбка... Несравнимое чувство восторга образовалось внутри живота. Как будто мир заиграл другими красками. Более насыщенными, сочными и разнообразными. И даже легкая музыка прошелестела у уха, ласково дразня своим тонким изяществом. Я невольно залюбовалась парнем и, не успе-

див за своими ногами, поскользнувшись, упала, растянувшись посередине длинного холла, обставленного всевозможными статуями древнегреческих богов и богинь.

– О-ох! – вырвалось громко у меня изо рта, когда я поняла, что попала в неловкую ситуацию. И надо же было так сплеховать. Моё «Ох!» эхом разнеслось по просторным коридорам. Я вновь покраснела, ощущая себя такой неуклюжей и нерасторопной. Причём я ещё и оказалась в пикантной ситуации: моё белоснежное платье задралось вверх, обнажая мои стройные ножки и часть нижнего белья. Хозяин дома не торопился подбегать ко мне и помогать. Он стоял рядом, с интересом посматривая на меня и посмеиваясь в кулак. Когда я попыталась встать, я поняла, что сильно ушибла колени, и это вызвало вздох отчаяния и боли. Парень всё-таки умирил свой смех и, наконец-то, подошёл ко мне. Подхватив меня под руки, он одним резким рывком поднял и поставил на ноги, не забывая при этом протянуть руки и поправить моё платье, которое до неприличия открыло моё тело.

– Извините, – слетело с губ, я опустила глаза к полу.

Я никогда не чувствовала себя такой обескураженной. Краска стыда никак не желала слетать с моего лица, а руки предательски задрожали. Бенедикт дёрнул уголками губ и указал влево.

– Пройдёмте в зал. Будьте осторожны. Здесь очень скользкие полы. Приходится ходить в специальной обуви.

И только сейчас я заметила, что помимо делового серого костюма, на ногах у парня были одеты обычные белые домашние тапочки. Я же, в своих туфлях, слегка хромая, шла вперёд. Но только теперь смотрела исключительно под ноги. Не хватало упасть ещё раз и свернуть себе шею.

Кое-как я доковыляла до большой дубовой двустворчатой двери и прошла вслед за хозяином.

Мы оказались в большом зале. Высокие окна в некоторых местах были заделаны витражами и в ярком солнечном свете переливались радугой. Тяжёлые кроваво-красные шторы закрывали часть стёкол, что создавало атмосферу скрытности и некой таинственности. По всей просторной комнате лежали ворсистые бежевые ковры, закрывающие большую часть пола. Стены были отделаны каменной кладкой, что вызывало двойные впечатления, будто находишься в средневековом замке. Посредине залы был расположен огромный, в полный рост камин, который, по-видимому, иногда зажигался поздними вечерами. Вокруг него стояли объёмные креслица и диваны, и примкнулся деревянный низкий кофейный столик. Везде висели картины, шкуры и головы разных животных, а над камином висел арбалет. Также в комнате было много всяких заморских статуэток и всевозможных украшений, которые пленяли своей красотой и изысканностью.

Я огляделась. У меня захватило дух. Такое я видела впервые.

Бенедикт прошёл к одному из кресел и присел, указывая на кресло напротив.

– Присаживайтесь. Значит, Вас зовут Анна?

Я последовала его примеру и, присев, кивнула:

– Именно, но можно просто – Аня.

Парень облокотился правой рукой на подлокотник, поднимая ладонь с очень длинными и ухоженными пальцами, и проводя подушечкой большого пальца по своей нижней губе. Этот жест меня взволновал до глубины души, но я осталась невозмутимой.

– Очень приятно познакомиться. Я – Бенедикт, – он протянул руку, и мне не оставалось ничего другого, как пожать его сильную ладонь.

По кончикам пальцев пробежал короткий разряд тока. Я одёрнула руку намного резче, чем следовало. Мужчина посмотрел мне прямо в глаза и удовлетворённо улыбнулся:

– Но можно просто – Бен.

Я коротко кивнула, не зная, что к этому можно добавить. Какое странное имя, с каким трудом запоминающееся для разговорной речи. Придётся помучаться, пока научишься произносить его правильно. Тыкать своему «шефу» было как-то неловко, тем более я знала его всего пять минут. Не такой уж большой срок, чтобы переходить к более неформальному общению.

– Ну что ж, – тот решил сразу брать быка за рога, поднимая с поверхности стола зелёную папку, и открыл её, извлекая на поверхность белые листы.

– Будем оговаривать всё на месте, чтобы потом не получилось ненужной неразберихи. Это договор. Нужно будет сначала его прочитать, а потом подписать.

– Что именно оговорить? – я взглянула в лицо Бенедикта.

Мужчина дёрнул уголками губ.

– График работы. Приходить будешь три раза в неделю: вторник, четверг и воскресенье. Полный рабочий день, с девяти утра до девяти вечера. У тебя есть машина?

Я отрицательно замотала головой:

– Нет. Быть может, в будущем появится.

Бенедикт улыбнулся.

– Тогда тебе придётся как-то добираться сюда. Честно говоря, меня это мало заботит, но старайся приезжать вовремя. Меньше всего выношу непунктуальность. Если вдруг не успеешь на вечерний автобус, то можешь переночевать здесь же, в доме. Благо, свободных комнат предостаточно.

Я согласно кивнула:

– Хорошо.

– Перейдём к следующим пунктам, – Бен быстро прошёлся глазами по договору и обратил свой взгляд на меня.

Внутри опять приятно заныло. Что бы это значило? Своё состояние я не понимала и поэтому всё списала на жуткое волнение, а волновалась я всегда сильно.

– Значит, с графиком решили. Теперь перейдём к основному. Я, конечно, понимаю, что убрать за сутки весь этот исполин, – он обвёл взглядом зал, мысленно подчёркивая сам дом в целом, – просто нереально. Поэтому каждые эти три дня в неделю можешь сама распределять периметр уборки. Самое главное, чтобы всё было убрано. Жуть, как не люблю пыль и грязь. Кстати, ты умеешь готовить?

Я смутилась, но утвердительно кинула:

– Умею.

– Отлично! А то страсть, как надоели эти фаст-фуды и деликатесы из ресторанов.

Я удивлённо приподняла вверх брови:

– Вы хотите сказать, что я Вам обязана ещё и готовить?!

– Не вижу в этом ничего плохого. Всё за определённую плату, разумеется. В договоре указана сумма.

Речь о деньгах меня вдохновила и сразу настроила на позитивные мысли, поэтому я согласно закивала.

– Как будет угодно. В чём-то ещё нуждаетесь?

Бенедикт протяжно и переливчато рассмеялся, запрокинув голову назад:

– Что Вы имеете в виду, Анна?

В глазах парня промелькнули золотистые искорки, он даже слегка наклонился вперёд, с интересом поглядев на моё лицо. Я жутко покраснела, понимая, что вновь что-то брякнула не в попад.

– Я ничего не имею в виду. Господи, давайте Ваш договор. Я всё подпишу.

– И даже не будете читать его?

– Я Вам доверяю.

Бен протянул мне двойные листы и указал на места для росписи. Я дрожащей рукой подписала бумаги и передала их обратно в руки насмехающегося парня.

– Вы так просто поставили подписи. Честно говоря, удивляете. Не бойтесь, что в нём указаны пункты, которые в будущем придутся не совсем Вам по душе?

Я настороженно наморщила лоб:

– Что Вы этим хотите сказать?

Бен опять произвёл короткую загадочную улыбку и, встав с кресла, по-деловому проговорил:

– Пойдёмте. Я покажу Вам дом и покажу Вам комнаты, в которые Вам входить нежелательно.

Я покорно поднялась за ним, но последние его слова взбудоражили:

– То есть? Почему нежелательно?

Бенедикт подошёл ко мне ближе и, нависнув сверху, словно коршун, долгим взглядом смотрел на меня, отчего мне стало не по себе. Я даже отвернулась. Тот заговорил:

– В этом большом и просторном доме есть всё. Всё, что душе угодно. Но есть и определённая территория, на которой я нахожу своё успокоение и душевное равновесие, и которая принадлежит только мне. И я не очень жалую и люблю, когда кто-то суёт в неё свой длинный и любопытный нос. Эти комнаты – моё всё. И поэтому Вам, Анна, придётся уяснить раз и навсегда, что находясь здесь, Вы не имеете никакого права заходить туда, куда я Вам запретил!

Голос парня стал не просто прохладным, он так и отдавал льдом, от которого по моему телу пробежали долгие мурашки. Я попятилась назад, не в силах выдержать на себе этот тяжёлый и пронзительный взгляд. Бен с независимым видом продолжил своё пояснение:

– В случае неповиновения Вы получите штраф, который обязуетесь выплатить в кратчайшие сроки. И, уж поверьте моему слову, лучше не лезть туда, куда не следует, чтобы не навлекать на себя мой гнев. И постарайтесь быть предельно аккуратными.

– Что? – я расширила глаза. – Какой штраф? Вы о чём? Мы так не договаривались!

И именно в этот момент я неудачно упёрлась спиной в столик, с которого упала высокая изящная старинная ваза и с грохотом разбилась на мелкие части. Я вздрогнула, оглянувшись на то, что я натворила.

– Ох, извините, Бога ради. Я нечаянно!

Бен поморщился, но лицо его тут же разгладилось. Он невозмутимо ответил:

– Это вьетнамская ваза восемнадцатого века, которую я приобрёл в прошлом году на одном известном аукционе. Обошлась она мне примерно в сто тысяч рублей. А теперь разворачиваем наш договор, – мужчина с видимым удовольствием потряс листами перед моим носом и, найдя нужную страницу, тыкнул на строчку, прочитав её вслух. – В случае порчи имущества работодатель имеет полное право взимать с наёмного рабочего денежные средства в размере стоимости испорченной вещи. Дальше читать стоит? Тут еще указана 167-я статья УК РФ. Ознакомить Вас с ней дословно, слово в слово?

Я ужаснулась. Наверное, моё лицо в тот момент выглядело таким испуганным и потерянным, отчего Бен не удержался и прыснул со смеху. Я чуть слышно выдохнула:

– Но я ничего не знала об этом. И что, теперь мне отдавать вам сто тысяч рублей? Да я за три месяца только смогу всё отработать.

Голос парня стал строгим, а глаза едва заметно потемнели.

– Это всё говорит о Вашей некомпетентности и полной невнимательности, а также об отсутствии элементарного инстинкта самосохранения. Перед тем, как подписать это, – он вновь с силой потряс договор в воздухе, – Вы не просто должны были прочитать, а обязаны были это сделать в первую очередь. Ознакомиться с каждым словом, с каждой точкой и запятой. Осмыслить каждое предложение в целом, взвесив преимущества и, особенно, уделить внимание пунктам, которые влекут за собой ответственность по УК РФ. Вы же наплеваательно отнеслись к данному документу, что говорит о Вашей слабохарактерности и безумности, которые присущи лишь некоторым женщинам. Мне продолжать дальше?

Щёки мои порозовели, а в горле мгновенно образовался ком:

– Не нужно. Я всё поняла.

– Что Вы поняли?

– Что мне придётся выплатить всё до единой копейки...

Бен раскатисто рассмеялся, что вызвало во мне приступ недоверия и подозрительности.

«С ним точно всё в порядке?»

– Не стоит. Я немного приврал. Это обычная фарфоровая ваза, которую мне подарили два месяца назад на день рождения мои друзья. Её стоимость – не более двух тысяч рублей. Так что не утруждайтесь подсчитывать в уме то, сколько Вам придётся отработать у меня, чтобы расплатиться за эту безделушку.

Я закипела как самовар, даже сжав ладони в кулаки. Щёки вновь покрылись румянцем, но только теперь от гнева. Парень внимательно проследил за моей реакцией и умно заметил:

– Но имейте в виду, что в моём доме, на самом деле, полно всяких экзотических вещей, истинная сумма которых может повергнуть Вас в шок. Обращаться с ними стоит особенно деликатно и, не дай Бог, разбить их или испортить! Чуть позже я вручу Вам список, где подробно расписано о каждой вещи, чтобы Вы на будущее учли, какие именно предметы Вам трогать нежелательно.

– А что до тех комнат, в которые мне заходить нельзя? Какой штраф полагается за них?

– Я просто Вас уволю, Анна. Вот и всё, – парень широко улыбнулся, и тут же улыбку спрятал.

Я похолодела внутри.

«Весомый аргумент, чтобы на самом деле не совать нос туда, куда не надо».

– А могу я поинтересоваться, что это за комнаты?

– Конечно. Пойдёмте. Я покажу Вам дом. Заодно укажу на мою святую обитель.

Бен стремительно пошёл вперёд. Я же, в неудобных туфлях, пошла за ним следом, несколько раз чуть не растянувшись на скользком полу. Мужчина это заметил и усмехнулся:

– Всё же Вам нужно надеть тапочки и перестать мучать, наконец, свои ноги.

Он подошёл к стене и открыл дверь. Как оказалось, это была вместительная гардеробная, где висели куртки, плащи и стояла в ряд начищенная обувь. Бенедикт взял с пола розовые тапочки и вручил мне их в руки:

– Держите.

Я поскорей надела их и с облегчением вздохнула. Так было гораздо лучше.

– Удобно?

– Да, спасибо.

Парень самодовольно дёрнул уголками губ и пошёл вперёд. Я засеменила следом. Бен не был многословным и о каждой комнате рассказывал коротко, но я всё равно внимательно прислушивалась и старалась не упустить ни одной и малейшей детали.

– Это столовая. Рядом находится кухня. Думаю, тебе она придётся по вкусу.

Большая столовая с длинным столом, по бокам которого располагались удобные стулья с высокими спинками. Везде висели картины и стояли статуи. Я озиралась по сторонам, слегка приоткрыв рот. А кухня вся была заставлена деревянным зеркальным гарнитуром, создавая необычную атмосферу, будто попадаешь в страну зазеркалья.

Мы шли из комнаты в комнату, попадая в такие места, куда обычным путём не попасть. Пути переплетались и иногда заводили в тупик. Я уже прокручивала в уме, чтобы нарисовать себе план этого здания, которое теперь меня устрашало, а не пленило. Ведь все эти залы и комнаты теперь лежали только на мне одной! Я была шокирована и как-то опустошена морально, прикидывая в уме, смогу ли я справиться со всем этим?

– А вот мы и подошли к первой комнате, куда тебе входить нельзя!

Мы остановились у высокой тёмно-коричневой двери, на которой висела золотистая табличка с надписью «МАСТЕРСКАЯ», которая находилась в самом дальнем правом крыле дома.

– Что здесь?

– Здесь я провожу своё свободное время. Отдыхаю душой, когда всё наскучивает или надоедает.

– А что за дверью?

Бен нахмурился:

– К чему эти вопросы? Если эти двери закрыты, значит, они для чего-то под замком и нет нужды узнавать, что находится за ними. К чему запрет, если ты выпытываешь сейчас тайну этой комнаты?

Мне стало неловко:

– Извините. Хорошо, я поняла. Где две другие комнаты?

– Наверху.

Мы пошли в обратную сторону и подошли к витиеватой широкой лестнице с красивыми перилами, которая вела на второй этаж. Поднявшись наверх, я вновь стала оглядываться. На полу лежал светлый ковёр, который уходил далеко вперёд. И снова разнообразные картины, и снова разногабаритные статуи. Весь дом был заполнен этими мраморными молчаливыми скульптурами, которые вызывали во мне тихий страх.

– Свободных комнат на втором этаже предостаточно. Можешь выбрать себе любую. Кроме этой, – он указал на первую дверь справа, – это комната моих родителей... Она навсегда закрыта и давно не открывалась. Её убирать не нужно. Вот эта дверь, вторая слева, ведёт в комнату моей сестрёнки. Она нечасто приезжает ко мне в последнее время, но её приезду я всегда рад. Вот это, третья дверь слева, – моя комната. Вот её посещать нежелательно. Рядом располагается мой кабинет. Это третья комната, где убираться не стоит. Рабочее место, так сказать. В принципе, всё. Не так сложно, согласись? Тебе понятно?

Я кивнула, скользнув взглядом по комнате родителей.

– Почему закрыта комната родителей? С ними что-то случилось?

Произнеся эту фразу, я поняла, что переборщила с вопросами. Бенедикт сразу потемнел и стал выглядеть старше своих лет, будто какой-то неподъёмный груз тяготил его душу...

Прерывистый и грозный голос слетел с красивых губ жёстче, чем ожидалось.

– Тебя это не касается!

– Да-да, конечно... Извините...

Он стремительно пошёл вдаль по коридору, и привёл меня к самой дальней комнате. Когда он открыл тёмную дверь, передо мной предстала небольшая, но уютная комната, в которой стояли двуспальная кровать и прикроватные тумбочки, а на них примкнулись ночники. Так же здесь стоял комод, над которым висело зеркало в деревянной оправе. Вся мебель была в светло-бежевых тонах. Тяжёлые желтоватые шторы закрывали окно, возле которого были

стол со стулом. На светлых стенах не было ни единой картины. Это меня порадовало. Я ступила на мягкий ковёр и обернулась на молчавшего Бена.

– Что это за комната?

– Твоя спальня. Тебе же нужно где-то отдыхать. Поэтому можешь смело ей пользоваться.

– Спасибо, – я улыбнулась. Лицо парня разгладилось.

– Отлично. Приступать к работе можешь со вторника. Мои выходные выпадают именно в те дни, когда ты будешь работать у меня. Надеюсь, мы подружимся.

Мне бы тоже этого хотелось, потому что парень мне, определённо, нравился. Мы вышли из комнаты и стали спускаться на первый этаж. Я подошла к гардеробной и надела свои туфли.

– Хорошо. Как скажите.

– Не нужно мне «выкать». Для тебя я теперь просто Бен, – он протянул мне руку. Я пожалала её и слабо улыбнулась. Такая неофициальность меня смутила, но, быть может, скоро я привыкну к ней.

– Твоё право, Бен.

– Пошли, я провожу тебя до ворот.

Мы вышли из дома и по выложенной булыжниками тропинке подошли к воротам, которые Бенедикт услужливо открыл передо мной.

– Всего доброго, – проговорил Бен, мягко дёрнув уголками губ, но в его глазах я мимолётно увидела отблеск стали и непонятной суровости. Мне стало не по себе. Я поскорей помчалась прочь от этого места, понимая, что скоро вновь и вновь буду приезжать сюда, чтобы наводить порядок. Как к этому отнесётся мама? Что скажет Маришка? А вот реакция Сергея вообще была непредсказуема. Как объяснить ему то, что я три раза в неделю буду убираться у малознакомого богатого парня? Впереди меня ожидали серьёзные разговоры, которых мне избежать не удастся. И я морально стала к ним готовиться, решив поговорить сначала с мамой.

Кое-как добравшись до выхода из посёлка, я побрела в сторону автобусной остановки. Мне пришлось прошагать без малого два с половиной километра от дома Бена, чтобы обнаружить эту остановку. А потом ещё час стоять и ждать первого попавшегося деревенского автобуса, который проезжал здесь и подбирал пассажиров. Мне следует заранее узнать расписание маршрутов, чтобы попадать в дом Хостина вовремя. Не хватало ещё опаздывать всякий раз и получать за это выговор.

К себе домой я попала в шестом часу. В это время мама как раз приходила с работы. Быстро приготовив что-нибудь перекусить, я поставила всё на стол и присела, задумавшись обо всём. В это время в коридоре неслышно щёлкнул замок, и дверь со скрипом отворилась.

– Аня, ты дома? – послышался усталый голос мамы.

– Дома, – я вышла к ней на встречу и забрал из её рук пакет, в котором лежал хлеб. Мы прошли на кухню. Я налила горячий чай и придвинула чашку к маме. Та внимательно посмотрела на меня и произнесла:

– Извиниться не хочешь?

– За что?

– За вчерашнее. Зачем ты развела ненужный скандал?

Я нахмурилась.

– Я всего лишь сказала правду. С каких пор это считается чем-то из ряда вон выходящим?

– Не утрируй! Ты прекрасно знаешь, что значат для меня эти встречи с твоим отцом!

Я соскочила с места и подошла к окну, нервно сгибая и разгибая пальцы.

– Может, хватит тешить себя безумными и пустыми иллюзиями, мама? Разве до тебя никак не дошло то, что он счастлив с той, с другой?!

– Прекрати! – голос мамы повысился. – Перестань переворачивать всё вверх дном. Мы с твоим отцом любим друг друга, и если он когда-нибудь захочет вернуться – я приму его обратно!

Я повернулась к расстроенной маме и, обхватив ладонями её лицо, выдала:

– Мама, моя милая мама. Он не вернётся! Слышишь? Не вернется никогда! А тебя считает просто отдушиной, с которой ему интересно проводить свободные часы. Он давно нас не любит, и ему давно на нас наплевать!

– Хватит! – визгливо закричала мама, закрывая уши руками. – Марш в свою комнату! И не смей больше поднимать эту тему!

Я не хотела причинять боль родному и единственному человеку, понимая, что мои слова ровным счётом ничего для неё не значат, и пролетают мимо, разбиваясь в прах. Да и с какой стати я лезу в дела взрослых? Пусть разбираются сами. Присев перед мамой на корточки я положила голову ей на коленки и виновато прошептала:

– Прости. Больше подобного не повторится. Обещаю.

– Я надеюсь на это. Я просто слишком сильно устаю в последнее время. Сил нет ни на что.

Я подняла голову и улыбнулась.

– Сегодня я тоже устроилась на работу, поэтому тебе будет полегче. Сможешь работать по графику – два через два. Теперь я сама в состоянии принести деньги в дом и тебе не придётся так изматывать себя.

Мама потрепала меня по голове, на её лбу пролегли глубокие морщины.

– Нашла работу? Но тебе же нужно поступать в институт.

– Поступлю в следующем году. Не велика беда.

– Что за работа-то?

Я встала и вновь подошла к окну, а потом на одном дыхании выпалила:

– Домработница.

– Что?! – глаза у мамы стали по пять рублей.

Я решила её успокоить.

– Ничего плохого в этой работе нет. Да и деньги получать буду приличные.

– Ты в своём уме?! Кто предложил тебе эту работу? Откуда вообще появилась такая идея?!

– Мне посоветовала тётя Ира.

Мама вспыхнула.

– Вот Ирка, гадина, вечно суёт свой нос, куда не следует! Я ей ещё устрою профилактическую беседу при встрече!

– Да перестань, мам. Что в этом плохого?

– Что скажут люди? Что подумают мои знакомые? Все же начнут осуждать нас и тыкать пальцем в нашу сторону! Нет, Аня, я против такой работы! Давай я тебя лучше к себе попробую устроить? Будешь у меня под бочком. Всё же так спокойней и целее. А что это за работа такая – прислуга? Не дай Бог, что-нибудь пропадет. На тебя ведь будут думать, глупая! Ты об этом не подумала?

– Успокойся, мам. Всё будет хорошо. Вот увидишь. Тем более, я всё решила для себя и, если честно, мнение людей мне по боку. На каждый роток не накинешь платок. Стыдно говорить знакомым, что твоя дочь убирается по найму? Так не говори никому ничего. В чём проблема-то? Год пролетит незаметно, и глазом не успеешь моргнуть. А мне нужна эта работа и нужны деньги, чтобы поступить в институт. Потому что у отца я деньги брать не буду!

Мама тяжело вздохнула.

– Решила, говоришь? Смотри, если что, я тебя предупреждала. Потом не плачься мне в плечо.

Я улыбнулась.

– Всё будет отлично, мамуль. Не переживай.

Я чмокнула её в щёку и поспешно пошла в комнату. Сегодня вечером я должна была встретиться с Маришкой в кафе, поэтому нужно было собраться. Нацепив на себя узкие синие джинсы и белую футболку, я надела на ноги кеды и выскочила из дома, набирая на ходу номер Марины.

– Жду тебя через пятнадцать минут в «КОФЕЙНЕ». Успеешь?

– Конечно. Я уже одета. Сейчас буду, – ответила Маришка и отключилась.

Я зашла в тихое молодёжное кафе и, выбрав дальний столик у стены, стала медленно листать меню, слушая из динамиков приятную зарубежную мелодию. Подруга пришла быстрее, чем я ожидала.

– Опять у Вадика была? – я приподнялась и обняла её. Та утвердительно кивнула.

– Именно.

– Почему не захватила его с собой?

– Да он к Фадееву собрался. У них онлайн турнир по покеру. Пусть развлекаются. А у нас как раз будут время посплетничать.

Я широко улыбнулась и заказала себе горячий шоколад. Маринка заказала себе зелёный чай и пирожное «ночка». Пока нам несли заказ, Марина опять решила полюбопытничать.

– Серёжка не звонил?

Я отрицательно кивнула головой.

– Нет.

– А что там насчёт новой работы? Ты так и не сказала, кем собралась работать. Устроилась?

– Устроилась.

Маришка приподняла вверх правую бровь.

– Серьёзно? И где же?

Именно в этот момент официантка принесла заказ к нашему столику. Я задумчиво взяла в руки кружку с горячим шоколадом и медленными глотками стала пить.

– Только давай ты не будешь сейчас раздувать из мухи слона и поднимать панику, как сделала это полчаса назад моя мама.

– Ты о чём? Я же ещё ничего не услышала.

– Теперь я официально буду работать домработницей.

Лицо Маришки странно вытянулось, а рот приоткрылся.

– Ты это серьёзно?!

– Серьёзней некуда.

– Ого! А у кого и где?

– В посёлке Луговое. У одного парня.

Марина присвистнула.

– Ты шутишь сейчас? Каким ветром тебя занесло в Луговое? Туда попасть не так-то и просто.

– Мне помогла тётя. Дала визитку парня, который искал девушку для уборки своего особняка.

Глаза Маришки загорелись.

– Что за парень? Молодой? Красивый?

Вспоминая хозяина дома, я непроизвольно покрылась румянцем, а моё дыхание участилось. Пришлось поставить кружку на стол, чтобы она не упала из ослабевших рук.

– Обычный парень. Таких, как он, вокруг – тысячи! Ничего особенного в нём нет. Если навскидку, то ему не больше тридцати.

– Ничего себе обычный! – Всплеснула руками подруга. – Живёт в самом богатом районе города, наверняка и работу имеет приличную, раз есть, на что содержать такой дом. Да, я была в Луговом и, честно сказать, у меня челюсть упала от всего великолепия и роскоши, которые меня окружали.

Я усмехнулась.

– Я тоже дар речи потеряла, когда впервые попала туда.

– Ну, а что этот парень? Холостой? Не видела на его пальце обручального кольца?

Я засмеялась, кидая в подругу смятой салфеткой.

– А чего это ты так интересуешься? У тебя же Вадик есть.

Маришка шутливо поморщилась.

– Просто интересуюсь. Ничего более. А Вадика я никогда не брошу. Потому что я его люблю. А про твоего хозяина спрашиваю исключительно в профессиональных целях. Вдруг когда-нибудь между вами промелькнёт искра?

Я рассмеялась, но тут же нахмурилась.

– Кольца у него не видела, но могу уверить тебя, что для меня он никем кроме «босса» быть не может. У меня же Серёжка есть.

Маришка широко улыбнулась.

– Да ладно тебе, я же просто шучу. Конечно, зачем тебе этот богатый пижон, когда у тебя под боком свой ловелас? Это даже обсуждению не подлежит. И ты давай там аккуратней. Не подпускай его к себе ближе, чем следует.

– Ни за что. Этого никогда не будет.

Мы проговорили с Маришкой ещё где-то часа полтора, а потом я медленно побрела домой. Погружённая в свои мысли, я, не заметно для себя, забрела в свой двор и, на автомате открыв подъездную дверь, прошла внутрь. Сердце моё сжалось от страха, когда из тёмного угла под лестницей в мою сторону скользнула фигура человека.

Я вскрикнула, готовая дать дёру с этого места, как знакомый голос произнёс:

– Привет, милая. Ты чего? Испугалась?

Выйдя на свет, я увидела лицо незнакомца. С губ сорвался вздох облегчения. Я ударила парня в грудь.

– Совсем офигел?! Ты чего бросаешься, будто из ниоткуда?!

Парень протяжно рассмеялся, прижимая меня к себе.

– Хотел сделать тебе сюрприз.

– Ничего себе сюрпризы! Так и до инфаркта не далеко!

– Успокойся, малыш. Это же я.

Его губы коснулись моих губ. Мне не осталось ничего другого, кроме как ответить на поцелуй. Когда мы насытились друг другом, я чуть отстранилась от парня и, заглянув в его зелёные глаза, взволнованно спросила:

– Ты как здесь оказался? Ты же из Новгорода должен был приехать только послезавтра.

Серёжка, а это был именно он, вновь засмеялся, прижав меня к своему мускулистому телу крепче, жадно проводя руками по моей талии.

– Сегодня вечером приехал. Позвонил Маринке, чтобы узнать, где ты. Она сказала, что вы только разошлись по домам. Я шустро сел в машину и примчал к тебе. Разве ты не заметила мою «десятку» у подъезда?

– Не обратила внимания, – мне стало неловко за мою рассеянность. – Как съездил? Навестил всех своих родственников?

– Отлично. Да. В августе поедem с предками в Киев.

Я хихикнула.

– Кто на этот раз?

Серёжка широко улыбнулся.

– Прабабушка отца. Ничего не поделаешь. У нас вроде семейной традиции колесить по городам и навещать всех наших многочисленных родственников.

– Я всё понимаю, – кивнула я. Серёжа опустил мне руки на бедра и ловко забрался руками под тонкую материю футболки. Я напряглась.

– Я так соскучился. Может, отъедем куда-нибудь?

– Не надо, Серёж. Мне нужно домой.

– Но ещё слишком рано. Лето на дворе. Зачем терять драгоценное время? Ведь можно провести его с пользой для себя и для тела.

Я тяжело вздохнула. Не хотелось мне сейчас ничего, а тем более секса. Но как сказать об этом Сергею, так чтобы он не обиделся и не накрутил себе много лишнего? Также я решила пока не поднимать тему со своей работой. Я прекрасно понимала, что парню это не понравится. Поэтому решила пока попридержать всё в тайне, надеясь на то, что Маринка не проговорится, и когда я уже порядочное время смогу отработать, то всё расскажу сама. Надеюсь на то, что Сергей меня не осудит и поймет. Он же у меня такой чуткий и понимающий.

– Давай не сегодня. Ладно? Я жутко устала и хочу спать. Увидимся завтра?

Сергей пожал плечами.

– Хорошо, как скажешь. Пошли, провожу тебя до дверей.

Я коснулась губами кончика носа парня и, мило улыбнувшись, прошептала ему в лицо:

– Не нужно. Сама дойду. До завтра.

Не дожидаясь ответа парня, я поскорей понеслась вверх по лестнице, оставляя недоумённого Сергея позади себя. Оказавшись внутри квартиры, я прислонилась спиной к двери и прислушалась к биению своего сердца. Что такое? Что вообще на меня нашло? Я могла бы с успехом уехать сейчас со своим парнем и отдохнуть от всех навалившихся проблем, но я не стала

этого делать, крайне поражаясь самой себе. Зажмурившись и обхватив руками голову, я попыталась привести дыхание в норму, как мимолётно перед глазами пронеслись выразительные и притягательные серые глаза. Я широко распахнула веки, в удивлении взглянув на себя в зеркало. Что это только что было? Отогнав от себя ненужное наваждение, я зашла к себе в комнату и, не раздеваясь, плюхнулась на кровать, уставившись потерянными глазами на белый потолок.

На другой день вечером мы встретились в городе вчетвером: я, Серёжка, Вадим и Маришка. Решили сходить в клуб. По пути к нему, я оттащила подругу в сторону и, скосив глаза на парней, заговорщицки произнесла:

– Никому пока ни слова о моей работе.

Марина удивилась.

– Так ты не рассказала ему?

– Пока нет. Пусть пока всё будет в тайне. Этого я жду и от тебя, что ты не проболтаешься раньше времени.

– Да мне-то что. Я – могила. Только смотри, не перегибай палку.

– Я просто боюсь, что Серёжка не разрешит мне заниматься этой работой. А она так мне нужна.

– Ещё бы. Думаешь, он будет в восторге, узнав то, что ты втихаря подтираешь за каким-то мажором его грязь?

– Вот и я о том же, – тяжело вздохнула я. – Поэтому пока не хочу расстраивать его раньше времени. И всё ему расскажу при первом удобном случае.

– Только обещай, что ты обязательно это сделаешь, а не будешь тянуть резину, пока он не узнает обо всём сам.

– Об этом не может быть и речи.

– Девчонки, – сзади нас окликнул Вадим, махая в нашу сторону руками. – О чём секретничаем?

– О вас, – широко улыбнулась Маришка, подхватив меня под руку и подтянув к ребятам.

– Серьёзно? – Вадик прищурился. – И о чём шла речь?

– А на то они и секреты, чтобы держать всё в тайне, – рассмеялась Мари, повиснув на шее у своего возлюбленного.

Я же подошла к Серёже и, взяв его ладонь, сжала, нежно заглянув в его зелёные глаза. Зелёные, а не серые, которые промелькнули вчера у меня перед сном.

– Всё в порядке?

– Вполне.

Он подарил мне короткий поцелуй, и мы, приобнявшись, двинулись вперёд.

В клубе «ПОДИУМ» было как никогда многолюдно. Мы подошли к секьюрити и стали ждать досмотра. Проходить фейсконтроль всякий раз было боязливо, а вдруг не пропустят, ведь этот клуб был самым престижным в городе. Но наши сомнения рассыпались в пыль, как только перед нами раскрывались двери клуба, и мы спокойно проходили внутрь огромного заведения. Этот раз не был исключением. Смело двинувшись меж танцующих извивающихся молодых девушек и парней, мы прошествовали к барной стойке и заказали себе по коктейлю. Стандартный поход в подобные места и предсказуемые действия со стороны посетителей. Подняв вверх свои стаканы, мы до дна опустошили бокалы и, звучно поставив их на полированный столик, направились с Маришкой танцевать. Парни остались стоять у стойки, заказав себе ещё по стакану, правда, теперь чего-нибудь покрепче. На вид это был виски.

– Я сейчас, – крикнула мне на ухо Маришка.

Я оглянулась и увидела на её лице злость. Не любила она, когда Вадим выпивал больше обычного. В такие моменты он был неуправляемым и агрессивным. Поэтому я коротко кивнула и отпустила подругу. Та с решительным видом направилась в сторону парней, которые уже заказали бутылку и сами разливали её. Увидев приближающийся бульдозер-Мари, Вадим с Сергеем ринулись в сторону, прихватив с собой стаканы и не забыв бутылку. Через пару секунд они исчезли из моего поля зрения. Я осталась танцевать одна. Плавно двигаясь под музыку дабстепа, я погрузилась в себя. Сегодня я надела на себя короткие голубые джинсовые шорты и полупрозрачную белую маечку с глубоким декольте. На ногах были удобные сандалии, что позволяло мне в полной мере насладиться танцем, полностью сосредоточившись на своих ощущениях. Распущенные волосы приятно скользили по обнажённым плечам и рукам. В какой-то момент я подняла голову и обомлела. В паре метров от меня, впереди, прямо возле высокой барной стойки, облокотившись на неё, стоял Бенедикт. Его заинтересованные серые пронизывающие до костей глаза смотрели на меня, а на красивых губах играла лёгкая улыбка. Не останавливаясь, я продолжала танцевать и, опустив голову вниз, сделала жест головой, запрокидывая волосы назад. Горящий взгляд цеплялся за то место, где стоял Бен, но его там уже не было. Я отчаянно завертела головой в попытках найти парня и понять, что он здесь делал и как среди этой многочисленной толпы нашёл именно меня. Но Бена нигде не наблюдалось.

Остановившись на месте, я продолжала сверлить взглядом барную стойку, как вдруг почувствовала, как кто-то подошёл сзади меня, и тёплые сухие ладони осторожно заскользили по моим рукам. Я замерла. Внутри меня заиграли новые, доселе неизвестные чувства. Пульс участился, а дыхание стало прерывистым. Не поворачивая голову назад, чтобы не испортить всё таинство предоставленного момента, я просто закрыла глаза и ждала продолжения. Ладони прошлись по моей талии и поднялись вверх, едва задевая грудь. Я затрепетала внутри, запрокинув голову назад. Ладонь парня опустилась мне на плечо, потом убрала пряди волос в сторону, оголяя шею. Горячее дыхание обдало кожу. Я моментально покрылась мурашками. Мягкие горячие губы коснулись шеи. Я не могла себя больше сдерживать. Застонав от перенапряжения, я резко повернулась, чтобы накинуться на парня с жаркими поцелуями, как меня будто током ударило. Передо мной стоял вовсе не Бен, как я себе представляла, а Сергей, глаза которого блестели и отражали в себе сотню эмоций. Всё моё возбуждение разом кануло в небытие, а на лице отпечаталось разочарование, которое перемешалось с кусочками стыда и безумия.

– Что ты тут делаешь? – невольно вырвалось с губ.

Сергей искренне удивился.

– То есть?

– Я имею в виду, почему ты здесь один? Где Марина и Вадим?

Серёжа негромко рассмеялся.

– Вадик убежал куда-то, не забыв прихватить с собой всё наше бухло. Я сам потерял его из вида, поэтому вернулся к тебе. Ты так аппетитно танцевала, что не подойти к тебе было бы грехом.

Парень полез ко мне с поцелуями, но я увернулась. Лицо продолжало гореть от напряжения. Но мне по-настоящему было стыдно и не по себе. С какой стати я вообще решила, что видела здесь Бенедикта? Что он здесь забыл? Судя по всему, он не был одним из тех, кто посещал такие злачные места. По-видимому, мне просто показалось. Быть может, я переборщила с алкоголем? Но почему в душе появилось это неприятное чувство одиночества и безысходности? Я была зла на себя и на свои глупые эмоции, которые были вызваны моим больным воображением. Так не должно быть. Просто не должно. Я накручиваю себе слишком многое в последнее время. Нужно остановиться.

– Что-то случилось, Ань? – осторожно спросил Сергей, тронув меня за руку. Я поспешно отрицательно кивнула, попытавшись привести мысли в порядок.

– Всё хорошо. Может, выйдем на улицу? Здесь слишком душно.

– Конечно.

Он взял меня за руку и потащил за собой. Мы выскочили из клуба и отошли на приличное расстояние, где стояли пустые лавочки. Я присела на одну из них и тяжело вздохнула. Серёжка присел рядом.

– С тобой точно всё в порядке? Выглядишь ты неважно, и вся дрожишь.

Я нервно повела плечами.

– Наверное, перебрала лишнего.

– Да ты всего один бокал коктейля выпила.

– И он оказался не совсем кстати. Нужно найти Маришку и идти домой.

Сергей нахмурился.

– Но мы же только пришли, – тут же лицо его разгладилось, и он мягко улыбнулся, потрепав меня по плечам. – Хорошо, милая. Как скажешь.

Достав мобильник, парень стал названивать Вадиму и тот долго не брал трубку. Но спустя какое-то время, наконец, соизволил ответить. Перекинувшись с товарищем парой фраз, Сергей выпалил:

– Сейчас они подойдут. И, судя по всему, не в лучшем расположении духа.

Я увидела Маришку первой. Она шла надутая, как павлин. Её короткие белые волосы были приподняты вверх, как у дикобраза, а лицо пылало так, словно ещё минута, и оно взорвётся от напряжения.

– Какой же ты урод, Серый! – выпалила Мари, подходя к нам и набросившись на моего парня. – Зачем ты разрешил этому недоумку пить?!

– Слышишь?! – сзади подошёл шатающийся Вадим, пьяно посматривая в нашу сторону. – Ты кого недоумком назвала? Отвечаешь за свои слова, курица?

– Молчал бы уж! – Мари повернулась к своему благоверному и заорала ему в лицо. – Ты меня уже достал! Сколько можно пить?! И какой ты после этого спортсмен, мать твою?!

– Не трогай мою мать! – зло зарычал Вадим и бросился на Марину с кулаками.

Та завизжала, пытаясь укрыться от удара. Мы с Сергеем одновременно подскочили с места и бросились к друзьям. Причём Серёжа стал оттаскивать пьяного товарища от девушки, я же тянула Маришку в другую сторону, так как она тоже распалилась и стала кидаться на него с кулаками. Честно сказать, эти потасовки между молодыми влюблёнными были не единичны, и я не впервые была свидетельницей их ссор и драк, которые ограничивались парой болезненных оплеух и заканчивались бурным постельным перемирием.

– Прекратите! – закричала я, а Сергей мне вторил.

– Хватит! Вы что делаете?! А ну угомонились оба!

– Да пошла она! – заорал Вадим, плюя в сторону краснощёкой Мари.

Та ответила ему в такт:

– Сам пошёл, урод! Видеть тебя больше не желаю! И не смей мне звонить!

– Да больно надо! Только попробуй мне первая написать!

– И не подумаю! – вырвавшись от меня, Марина не сдержала эмоций, расплакалась и побрела прочь от этого места.

– Мари! – крикнула я ей вслед и неодобрительно посмотрела на трясущегося Вадика. – Как ты смеешь так с ней разговаривать?! И не стыдно тебе?

– Вадимыч, серьёзно, ты перегнул палку, – попытожил Сергей, но Вадим зло фыркнул и, вырвавшись из цепких рук друга, пошёл в другую сторону.

– Да пошли вы все нафиг, советчики долбаные!

Я понеслась со всех ног за Маришкой и нагнала её, ревущую, у поворота. Тушь растеклась по щекам, а яркая красная помада была размазана на пол-лица.

– Мариш, успокойся. Ты чего так взъелась на него? Что случилось?

– Оставь меня в покое! И не смей идти за мной! – истерично закричала мне в лицо подруга и пошла вперёд, пару раз чуть не упав, так как на её ногах были одеты туфли на высокой платформе и тонкой шпильке.

Оскорбившись на её тон, я осталась стоять на месте и, посмотрев неодобрительно ей вслед, поспешно пошла обратно, найдя возле лавочки одиноко стоящего Сергея.

– Вадик тоже ушёл?

– Ушёл, – кивнул Сергей, печально разведя руками. – Поход в клуб «удался».

Я подошла к парню и обняла его.

– Пусть сами разбираются, истерички. Пошли домой?

– Пошли, – Серёжа мягко коснулся моих губ, и мы медленно побрели в сторону дома, чувствуя себя с ног до головы оплётанными.

Вторник подошёл слишком незаметно, хотя я его и ожидала с затаённым беспокойством и жутким нервозом. Как-никак, мне предстоял первый рабочий день, и я не хотела облажаться. Нужно было быть во всеоружии и, самое главное, начать следить за своим языком, чтобы в очередной раз не сказать вслух какой-нибудь бред, от которого даже самой порой было так неловко и некомфортно.

Накануне я стала собираться, всё гадая в уме, какую бы одежду одеть, так, чтобы не стеснять себя, но и не вызывать удивления у работодателя. Долго простояв у зеркала, я перемерила весь свой гардероб и пришла к выводу, что лучше джинсового комбинезона ничего нет. Оставшись довольной, я сложила его аккуратно в пакет и, собрав сумку с необходимыми вещами, поставила всё у выхода, чтобы утром ничего не забыть.

С первым звонком будильника я уже соскочила на пол и, наспех позавтракав бутербродом с сыром, выскочила из дома. Утро было прохладным, я поёжилась, радуясь тому, что захватила с собой тёплую кофту. Добежав до автовокзала, который находился от меня в паре кварталов, я села на нужный автобус и стала ждать отправления. Попала я в Луговое в половине девятого. Охрана на пропускном пункте пропустила меня не сразу, долго всматриваясь в мои документы и сверяясь с записями в журнале. Когда моя личность была установлена, один из парней с усмешкой произнёс вслед:

– Прибери на будущее пропуск, деточка. Иначе тебя так при каждом досмотре будут тщательно мусолить.

Я заскрежетала зубами, но решила промолчать. Пропуск мне был всё-таки необходим, и стоило об этом поговорить с Бенедиктом. Подойдя к его дому, я нажала на звонок. Он открыл мне дверь сам.

– Доброе утро, – его лучезарная улыбка озарила меня.

Я судорожно ответила:

– Доброе утро.

– Держи, – Бен без долгих предисловий протянул мне аккуратный белый пропуск. – Было не очень благоразумно не дать его в первый же день твоего визита. Но теперь всегда носи его с собой.

Я кивнула и прошла в дом.

– Где я могу переодеться? – я остановилась посередине холла.

Бен удивился.

– По-моему, я выделил тебе одну из моих многочисленных комнат. Она полностью в твоём распоряжении. Можешь делать там всё, что угодно.

Я смутилась.

– Ах да, извините.

– Нет-нет-нет, – Бенедикт выставил указательный палец вперёд и отрицательно им повёл из стороны в сторону. – Мы же договаривались, что никаких больше «Вы» в моём доме я слышать не должен. Это понятно?

– Более чем, – я дёрнула уголками губ и несмело пошла на второй этаж.

Открыв дверь в свою новую комнату, я вновь с удовольствием осмотрелась вокруг и, кинув пакет с сумкой на кровать, стала переодеваться. Сняв с себя тёплую кофту, положила её на кровать, далее стянула чёрную футболку, а потом приступила к джинсам. Именно в этот миг дверь комнаты без стука раскрылась, и на пороге появился Бен.

– Я вот что хотел сказать...

Он осёкся, увидев меня полураздетой. Я впала в секундный ступор, потом быстро схватила с кровати свою футболку и прикрыла ею грудь, облачённую в розовый бюстгальтер.

– Что-то не так? – я удивлённо посмотрела на парня, а тот, не меняя выражения лица, потряс перед моим носом какой-то одеждой.

– Вот. Одень.

Я протянула руку и неуверенно взяла предлагаемое короткое чёрное с белыми вставками платье, более похожее на костюм горничной из секс-шопа.

– Что это?

– Твоя униформа. И твой повседневный наряд в этом доме.

Я округлила глаза от шока. Да как он вообще предлагает ходить в этом перед ним? Бен будто ожидал такой предсказуемой реакции, самодовольно усмехнулся и продолжил:

– Дело в том, что я люблю во всём гармонию.

Не говоря больше ни слова, Бенедикт покинул комнату, но вернулся спустя две минуты, протянув мне белые удобные тапочки.

– А потом спускайся вниз и приступай к работе.

Я встала возле шкафа, где во весь рост было прилеплено зеркало и долго не решалась одеть то, что мне предложил Бен. Я с огромным сожалением поглядела в сторону пакета, где лежал мой удобный комбинезон и тяжело вздохнула. Потом нерешительно нацепила на себя униформу. Лицо скривилось. Да, несомненно, я выглядела в таком виде сексуально и очень аппетитно, но как мне в нём работать?! При малейшем нагибании вниз короткое платьице поднималось высоко вверх, обнажая не только ноги, но и часть нижнего белья. Покусав в досаде губы, я собрала волосы в высокий хвост и прицепила наверх небольшой кружевной белый чепчик, который шёл в комплекте с несуразной униформой.

Прикрыв комнату, я спустилась на первый этаж. Бенедикт находился в столовой. В руках он держал высокий бокал, в котором проглядывалось красное вино. Увидев меня, он растянул губы в удовлетворённой улыбке, пройдя пронырливым взглядом по моей соблазнительной фигуре. По моему телу прошла долгая дрожь.

– Это обязательно носить? – я никак не желала принимать эту действительность.

Бен пригубил из бокала и, поставив его на стол, утвердительно кивнул.

– Обязательно.

– Но как мне в нём работать?! – не могла сдержать я возмущения.

Парень рассмеялся.

– Ничего страшного. Привыкнешь. Пошли, я покажу тебе ещё одну часть дома, которую не успел представить в первый день твоего визита.

Я фыркнула и поплелась следом. Он привёл меня в другую часть дома, где располагалась огромная библиотека. Высокие деревянные стеллажи ломались от разнообразия книг и доставали до потолка. На полу по бокам стеллажей шли небольшие рельсы, по которым ездила удобная стремянка, чтобы лишний раз, не напрягаясь, можно было достать нужную книгу с верхних рядов. Я невольно залюбовалась. Каких здесь книг только не было! Зарубежные и отечествен-

ные классики, поэзия, избранные сочинения, автобиографии и научные энциклопедии, современные детективы и романы. По залу витал приятный запах книг, которые молчаливо стояли в ряд и манили своим изысканным великолепием. Крыша комнаты была стеклянной, и здесь всегда царили свет, покой и умиротворённость. Бен подошёл к одному из аккуратных столов, которые стояли посередине, окружённые мягкими стульями, и улыбнулся.

– Я люблю читать и нахожу это занятие не только привлекательным и заманчивым, но и поразительно увлекательным. Каждая книга предоставляет безграничный простор фантазии и заставляет смотреть на наш мир по-новому. Поэтому я частенько здесь пропадаю и просто наслаждаюсь тишиной, которая меня окружает.

– Классно... – не найдя, что ответить, выдавила я из себя.

– Можешь тоже навещать это святое место, но только постарайся обращаться с книгами аккуратно. Здесь есть экземпляры, которые обошлись мне в кругленькую сумму.

Я покраснела.

– Само собой. Не настолько же я неуклюжа.

Мы переглянулись, наверное, одновременно вспоминая ту фарфоровую вазу, которую я удосужилась разбить в первый же свой визит в этот дом. Мне стало неловко. Парень хмыкнул.

– Что ж, пошли дальше.

Бен вышел из библиотеки и тщательно прикрыл за собой тяжёлые створки дверей; подойдя к соседней двери и открыв её, указал вниз.

– Спускайся.

– А что там? – я с опаской посмотрела на лестницу, которая уходила вниз.

– Подвальное помещение. Ничего страшного там нет.

Я всё же неуверенно пошла по скрипучей деревянной лестнице, оглядываясь на Бена, который шёл следом. Тот улыбался. Как оказалось, внизу было два больших помещения: в одном располагался бассейн, в другом – спортзал. Я и представить себе не могла, сколько удивительных вещей в себе скрывал этот огромный дом. На языке так и вертелся вопрос: «Откуда всё это?» Кем работает Бен, раз может себе столько позволить? Но я не хотела задавать ненужных вопросов, на которые Бенедикт ответил непроизвольно сам, но только тогда, когда привёл меня в другое, более интересное и живописное место.

– Бассейн мне тоже убирать? – ахнула я.

– Нет. Ко мне раз в две недели приходит человек, который следит за ним, ну и за садом. Пошли. Я покажу тебе ещё кое-что.

Я пошла за ним, ожидая уже всё, что угодно. Мы поднялись наверх и, что немало меня удивило, вышли на улицу. Подстриженный газон и аккуратные аллеи причудливых кустов, меж которых шла вымощенная из минералов дорожка, которая привела нас в стеклянное поме-

щение. Оказавшись внутри, я восхищённо раскрыла рот, оглядываясь по сторонам. Это была оранжерея, заполненная всевозможными цветами и деревьями. Помимо красивой флоры здесь присутствовала и фауна. Правда я разглядела только пестропёрых попугайчиков и канареек, которые, перелетая с ветки на ветку, чирикали в такт. Также я рассмотрела и парочку декоративных кроликов, которые пробежали от одного горшка с цветами к другому, боязливо шевеля длинными усами.

– Как здесь красиво! – выпалила я на одном дыхании.

Бен улыбнулся, подходя к резному работающему фонтану, который стоял посередине помещения, и от него исходила прохладная влажность. В жаркую погоду находиться здесь было раем.

– Я знал, что тебе понравится. Это место я люблю с самого детства, особенно нравится посещать его зимой, когда снег лежит вокруг тяжёлым ровным строем, а здесь всегда царствует лето и тепло.

– Замечательное место, – я присела на одну из резных лавочек и попыталась разглядеть в траве ещё какое-нибудь животное. – Да и вообще, – весь дом просто великолепен!

– Это наше родовое имение Хостиных. Его начинал строить ещё мой прапрадедушка Демид Ефремович. По камешку, по кирпичику застраивал каждый участок земли, чтобы порадовать свою возлюбленную – Констанцию Болеславовну, тихим и уединённым местечком. Во время революции пришлось имение забросить. Большая его часть оставалась стоять лишь глухими стенами в пустоте. Холодные ветры нещадно трепали недостроенный участок, а потом и вовсе всё пришло в запустение и упадок. Некогда было Демиду возиться с этой постройкой, но его сын, Наум Демидович, решил продолжить дело отца. Дом потихонечку стал приобретать свои черты, превращаясь в красивое здание. А его жена, моя прабабка Ева Германовна, была чистокровной немкой и по этическим соображениям не захотела жить в России. После недолгих препирательств они уехали в Берлин. Их сын Николай Наумович приехал в Россию в 1959 году. С двумя маленькими сыновьями на руках: моим отцом и его братом. Вновь взялся за постройку имения, которое во время войны было хладнокровно уничтожено. Как бы сурово жизнь не преподносила испытания, дом всё равно был полностью восстановлен и закончен. Постарался мой отец, который на тот момент уже был вполне состоятельным и преуспевающим бизнесменом. Он то и решил построить для моей мамы эту оранжерею, – при этом лицо Бена нахмурилось, а руки непроизвольно сжались в кулаки. – Видимо, это у нас такая традиция Хостиных, – всё делать во благо своей наречённой, которые ничерта этого не ценили...

Парень запнулся, понимая, что начинал рассказывать о том, чего рассказывать при посторонних явно не хотел. Меня так и распирало изнутри расспросить о жизни Бенедикта подробнее, но я знала, что до хорошего это не доведёт. Поэтому стоило держать язык за зубами. Не хватало ещё навлечь на себя гнев Бена, или, того хуже, вылететь с этой работы, как пробка.

– Пошли. Тебе стоит начать работать, – сурово произнёс парень, но лицо его уже разгладилось.

Мы вышли из здания и медленно направились к дому. Бен стал разъяснять мне на ходу:

– Кормить птиц и кроликов тоже входит в твои обязанности. Все инструкции прочитаешь в домовом журнале, который я оставил у тебя в комнате. Прочитай его от корки до корки и постарайся не упустить ни одной важной детали.

Я кивнула:

– Хорошо.

Оказавшись дома, Бен всучил мне в руки пылесос, ведро, швабру и тряпку, широко улыбувшись.

– Приступай. Начинай с зала.

Как ни странно, он сам направился туда. Как оказалось, на кофейном столике были разложены какие-то бумаги, и Бен присел на одно из кресел и внимательно стал просматривать их. Я решила начать протирать пыль. Но мне было жутко неудобно работать тогда, когда пронизывающие глаза Бена всякий раз с любопытством поглядывали в мою сторону, а потом вновь терялись в белоснежных листах. Вот ему обязательно было заниматься своими делами именно в зале? А как же его кабинет, в который он запретил заходить? Нельзя перенести работу туда? Будто заметив мою нервозность и пыхтение, Бенедикт оторвал взгляд от бумаг и вкрадчивым голосом произнёс:

– Ты не сделаешь мне кофе?

– Я... – слова застряли в горле, но я решила не препятствовать. – Да, конечно.

– Вот и отлично, – парень подарил мне свою благодарную улыбку.

Я поплелась в сторону кухни. Честно сказать, в моей семье кофе пил только отец, а мама его всей душой ненавидела, но из уважения к папе она тоже его пила, при этом смешно морщась и делая вид, будто выражение её лица менялось исключительно от удовольствия. Нет, мы не варили его, а всего лишь закладывали пару ложек на дно бокала, разбавляя сливками и горячей водой. Вот так и происходил процесс приготовления кофейного напитка. Однако, войдя в кухню Хостина, я с ужасом поняла, что таким простым советским способом не обойтись. В глаза сразу же бросилась большая кофеварка. Я осторожно подошла к ней и почесала затылок. Что же делать? Колебалась я минуты две, потом всё же осмелилась подойти к чудомашине и осмотрела её со всех сторон. Протянув руку к панели с кнопками, я неуверенно провела по ним подушечками пальцев и одёрнула руку, поджав губы в досаде. Что же делать?

– Не получается? – сзади послышался ироничный голос Бена.

Я подпрыгнула на месте от неожиданности и густо покраснела, поворачивая голову в его сторону.

– Я просто никогда не имела дело с таким прибором.

Бен сделал страдальческое лицо и подошёл к кофеварке, доставая оттуда стеклянный кофейник, затем не без сарказма проговорил:

– Дилетанты...

Я оскорбилась на его замечание и уже хотела ответить что-нибудь язвительное, типа: «Не всем же было суждено родиться богатыми и жить в роскоши», но решила промолчать. Бенедикт сам сделал себе кофе и с белоснежной кружкой вышел из кухни, не забыв обронить через плечо:

– Работа ждёт, Анна.

Я заскрежетала зубами и поплелась за ним следом. Мне всё меньше и меньше нравилась перспектива такой работы. Но я ничего не могла поделать. Придётся многому научиться, а самое главное – терпению, и ни в коем случае не сметь препираться. А ещё лучше делать вид, будто хозяйина дома не существует вовсе. Но Бен словно прочитал мои мысли и, собрав свои документы в папку, деловым тоном отчеканил:

– Я ушёл работать к себе. Если что-то будет нужно, можешь связаться со мной по мобильнику. И не забывай о правиле «трёх».

– Чего? – я удивлённо посмотрела на парня.

Тот сдержанно пояснил:

– Комнаты. Три комнаты, в которые тебе не стоит входить.

– А-а-а, – я вздохнула. – Я помню, помню.

– Умница.

Бенедикт покинул зал, и мне стало спокойней. Уборка пошла быстрее и без лишнего напряжения. Я старалась уложиться по максимуму и к трём часам выдохлась, обессиленно вытирая пот со лба. Бен соизволил появиться к четырём часам, когда я уже жутко проголодалась и всё яростней посматривала в сторону кухни, до которой ещё не дошла с уборкой. Осмотрев труды моей работы, он удовлетворённо протянул:

– Отлично. Кстати, ты не проголодалась?

Я проглотила слюну и еле сдержала в себе рокочущий звук желудка, который требовательно просил пищи.

– Проголодалась, – незамедлительно ответила я.

Бен улыбнулся.

– Пошли. Я тебя накормлю.

Я не шла, а почти бежала за парнем. Мы прошествовали на кухню. Парень открыл холодильник и обвёл всё его содержимое рукой.

– Можешь пользоваться здесь всем, что приглянется. Так же я выделяю тебе любой час отдыха с девяти до девяти, который ты можешь выбрать по своему желанию. Так сказать, небольшой перерыв.

Я облегчённо выдохнула.

– Любой? В любое время?

– Да. Тот час, который тебе больше будет по душе.

– А если я сегодня захочу сделать перерыв в два часа дня, а завтра – в шесть?

– Твоё право. Я это контролировать не буду. Единственное, что попрошу тебя, – записывай все свои перерывы в журнале. Договорились?

Я утвердительно закивала головой. В следующую минуту Бен по-шустрому сделал нам бутерброды с колбасой и разлил по белоснежным чашкам кофе. Я решила не препятствовать, так как жутко была голодна и готова была съесть слона. Но когда мы сидели на высоких барных стульях друг напротив друга, в моей голове всплыл недавний вечер в клубе. Меня так и подмывало спросить об этом Бена. Он проследил за моей нервозностью и вопросительно посмотрев, спросил:

– Что-то не так?

– Я могу кое-что у тебя спросить?

– Конечно, – тот поднёс чашку с горячим напитком к губам.

– Ты был в воскресенье вечером в клубе «ПОДИУМ»?

Рука парня дрогнула, и пару капель обжигающего кофе упали ему на подбородок. Опустив чашку на полированную столешницу, Бенедикт пристально посмотрел на меня и громко расхохотался. Я напряглась:

– Что смешного я сказала?

– Был ли я в клубе? Мой ответ – нет. С чего ты вообще взяла, что я посещаю столь сомнительные и не вызывающие доверия места?

Щёки покрылись румянцем.

– Мне показалось, что я видела тебя там...

– Ты тогда пила?

Меня сконфузило.

– А это тут причём?

– Притом, – голос парня стал строгим, и в нём проскочил лёд. – Я мог появиться там только в твоём воображении и не более того. Могу уверить тебя, что в воскресенье я весь день, ровно, как и вечер провёл над разбором важного дела. Понимаешь ли, моя работа требует от меня слишком много времени, поэтому я никак не мог быть там, где ты меня якобы видела. Я изъяснился ясно?

Я опустила взгляд в свою чашку и коротко кивнула:

– Вполне.

Домой я попала в начале одиннадцатого, кое-как успев на последний автобус, который проезжал мимо посёлка. По пути домой меня слегка укачало и я, склонив голову на грудь, чуть не уснула. Благо, от каждой новой кочке на дороге я подпрыгивала и сонным взглядом посматривала на запоздалых путников, которые ехали, как и я, в город. Оказавшись наконец-то в квартире, я прошла в комнату, бросив в угол свою сумку и пакет с комбинезоном, и без сил рухнула на кровать. В кармане кофты заиграл мобильник. Я нехотя подняла мобильник на вытянутой руке и посмотрела на дисплей. Звонил Сергей.

– Аллю?

Я поднесла трубку к уху. Воркующий голос Серёжи звучал слишком приторно сладко:

– Привет, милая. Что делаешь?

– Лежу, – разговаривать со своим парнем не было желания, но я не хотела его обижать.

Глаза упрямо закрывались, а рука то и дело сползала вниз, и мне приходилось её поправлять.

– А ты чем занимаешься, коть?

– Думаю приехать к тебе. Не желаешь прокатиться по ночному городу?

– Только не сегодня.

– Почему? Что случилось?

– С чего ты взял, что что-то случилось?

– Какой-то голос у тебя замученный.

Я тяжело вздохнула.

– Я просто сильно устала. Давай в другой раз. Хорошо?

Не дожидаясь ответа, я нажала отбой и выключила мобильник, положив его рядом с собой, проваливаясь в пучину бесцветных сновидений. Проснувшись я с первым лучом света. Солнце ласково вливалось в комнату сквозь открытые шторы, откидывая причудливые тени от предметов, стоящих на окне, на стену. Сладко потянувшись, я встала с кровати. Спина,

ноги и руки протяжно заныли. Сказывалась вчерашняя нагрузка. Пройдя на кухню, я увидела маму, она пила кофе, жуя при этом булочку.

– С добрым утром, мамуль, – поприветствовала я её.

Та кивнула.

– Как там твоя новоиспечённая работа?

– Отлично, – я не хотела врать, да и смысла в этом не было. – Тяжело, но терпимо.

– У тебя есть ещё время передумать и принять помощь отца.

Я вспыхнула лицом.

– Мама! Я же просила не начинать об этом разговор!

– А я вот хочу говорить об этом! – голос мамы тоже повысился. – Ты должна поступить в этом году и точка!

– Я сама решу, что лучше для меня.

Мама скептически поджала губы.

– Значит, тебе нравится унижать себя?

– Ты о чём?

– О твоей дурацкой работе прислуги!

Зло зарывчав, я встала из-за стола и выскочила из кухни. Находиться рядом с мамой было невозможно. Она опять взялась за старое, пытаясь меня переубедить. Но я не хотела и не желала ничего слышать! Подождав, пока бурчащая мама уйдёт на работу, я всё же решилась выйти на кухню и позавтракать. Кусок не лез в горло, а перед глазами мелькали картинки. Среди них был Бен со своим исполинским домом; Серёжка, одиноко стоящий у подъезда и поджидающий меня; Маришка, ругающаяся с Вадиком и убегающая от меня в ночную даль; мама, которая пыталась образумить меня и наставить на истинный путь, а также папа, при воспоминании о котором у меня болезненно сжималось сердце. Всё сплелось в бессвязный и запутанный клубок хаоса. Я боялась, что это никогда не закончится и хотела поскорей сделать всё так, чтобы было, как раньше, но понимала, что это нереально. Что-то стало рушиться и крошиться на мелкие осколки именно в тот момент, когда я впервые посмотрела в глубокие серые глаза...

Ближе к обеду я решила позвонить Маришке. Нам стоило поговорить, и я знала, что та наверняка сожалеет о том, что нагубила мне у клуба и бросилась бежать прочь от меня, только чтобы её не преследовали и не доставали с вопросами. Взяв мобильник в руки, я набрала номер подруги. Трубку взяли не сразу.

– Алло... – пробубнил виноватый голос.

Я улыбнулась.

– Привет, Мари. Как ты?

– Бывало и лучше. Слушай, Ань, извини, что наорала на тебя у клуба... Мне просто было так погано. Еще с Вадиком поругалась. Всё как-то сразу навалилось... В общем... Не обижайся на меня.

Я улыбнулась шире. Как же подруга была предсказуема. И именно это качество в ней мне нравилось больше всего.

– Да я не обижаюсь. Быть может, окажись на твоём месте, я поступила бы точно так же.

– Значит, мир?

– Однозначно!

Мы весело рассмеялись в трубку, и по вздоху Мари я поняла, что она рада такой перспективе, что мы снова вместе в строю.

– С Вадиком помирилась?

– Помирилась. Куда он денется? Приполз на следующий день на коленях с большущим букетом роз и умолял простить. Мол, погорячился. Выпил лишнего и начал моросить ересь. Обещал завязать с алкоголем. Я дала ему испытательный срок. Если посмеет нарушить своё слово, то мне придётся с ним расстаться.

– Но ты же любишь его.

– Люблю! Но я не могу допустить того, чтобы он и дальше посмел напиваться до такого состояния, когда становится будто неуправляемое животное и распускает свои мерзкие руки! Ты видела, что он творил?

Я тяжело вздохнула.

– Видела. Ты права, пить ему категорически нельзя.

– Ну вот. Поэтому пусть думает в следующий раз, когда возьмёт в руку бутылку. Меня он потеряет стопроцентно и навсегда. От своего решения я не отступлюсь.

– Жестокая ты, Мари.

– Это я-то жестокая? Вполне справедливое решение, если рассудить разумно.

– Тебе видней.

– Так, хватит об этом, а то я опять начинаю закипать. Ты лучше расскажи, как там твоя работа? Как твой шеф? Не слишком тебя нагружает?

– Ох, и не спрашивай, – при воспоминании о Бенедикте у меня непривычно заныло под ложечкой.

Странное ощущение, скажу я вам. Его образ доставлял мне определённое удовольствие, хотя я всячески препятствовала своим мыслям переходить дозволенную грань.

– Вчера отработала день по полной программе. Устала, как собака.

Мари хихикнула в трубку.

– Он не приставал к тебе?

Я хмыкнула.

– С чего это вдруг?

– Ну, мало ли. Вдруг ты ему нравишься?

– Это вряд ли. Да и мне кажется, что Бен – не один из тех, кто станет заводить интрижку со своей прислугой.

– Его зовут Бен?

– Бенедикт, если быть точной.

– Ого, какое интересное имя. И ты обращаешься к нему просто – Бен?

– Он сам настоял на этом.

– Слушай, подруга, ну тогда тебе определённо повезло. Судя по всему, он – не тиран и вполне благоразумный мужчина. Авось, что-нибудь, да срастётся.

Я нахмурилась.

– Ну что ты такое говоришь? Ты в своём уме?

Марина рассмеялась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.